

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ
АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

АЛЮМЕН

Книга первая
**МЕХАНИЗМ
ВРЕМЕНИ**

ЗЕМНАЯ ОПЕРА

Алюмен

Генри Олди
Механизм Времени

«Автор»

«Автор»

2008

Олди Г. Л.

Механизм Времени / Г. Л. Олди — «Автор», «Автор»,
2008 — (Алюмен)

Это было время Фарадея, Ома, Эрстеда и Вольты – мужей науки, еще не ставших единицами измерения. Это было время Калиостро, Сен-Жермена, Юнга-Молчаливого и Элифаса Леви – магов и шарлатанов, прославленных и неизвестных. Ракеты Конгрева падали на Копенгаген, Европа помнила железную руку Наполеона, прятался в тени запрещенный орден иллюминатов; в Китае назревала Опиумная война. В далеком будущем тихо булькал лабиринт-лаборатория, решая судьбу человечества: от троглодитов до метаморфов. И крутились шестеренки Механизма Времени – двойной спирали веков. Мистика против науки – кто кого? Новый роман Г. Л. Олди и Андрея Валентинова – великолепный образец авантюрной традиции, густо замешенной на оригинальных идеях. Все книги, написанные в этом соавторстве, давно стали золотым фондом фантастики, и «Алюмен», пожалуй, не станет исключением.

© Олди Г. Л., 2008

© Автор, 2008

© Автор, 2008

Содержание

Увертюра [1]	7
1. Allegro	7
2. Adagio	11
3. Allegretto	18
Акт I	25
Сцена первая	25
1	25
2	27
3	30
Сцена вторая	35
1	35
2	38
3	42
Сцена третья	44
1	44
2	46
3	51
Сцена четвертая	55
1	55
2	59
3	62
Сцена пятая	65
1	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Андрей Валентинов, Генри Лайон Олди Алюмен, книга первая: Механизм Времени

*С благодарностью посвящается Виктору Гюго, Александру Дюма,
Жюлю Верну, Роберту Льюису Стивенсону, Чарльзу Диккенсу –
титанам, на чьих плечах мы стояли...*

Увертюра ¹

*Я – обезумевший в лесу Предвечных Числ!
Вы тексты от каких затерянных страниц?
Остатки от какой разрушенной вселенной?
Ваши отвлеченный взор, взор глаза без ресниц, —
Гвоздь, проходящий в сталь, меч, острый неизменно!
От ваших пристаней кто вдаль не отплывал?
Но гибли все ладьи о зубья тайных скал.*
Эмиль Верхарн

1. Allegro

И убийца не раз являлся ей в снах!

Огюст Шевалье достал свои пистолеты.

Тяжелый футляр из палисандра, бронзовые нащепки по углам. Черная точка замочной скважины; чуть левее – авторский знак в круге. «Гастинн-Ренетт» – из лучших, надежнее изделий соотечественника Бутэ и англичанина Ментона. Открывать не стал – внутри все было в полном порядке. Почищено, смазано, проверено. Порох на месте, в медной пороховнице, и шомпола, и пули. На прошлой неделе выпал свободный вечер, и Огюст, сам не зная зачем, решил заняться личным оружием. Сходил в лавку за маслом, освободил стол от книг, надел старую рубаху, чтобы не жалеть о пятнах.

Словно чувствовал...

Пистолеты пристроились на вчерашней «Шаривари», поверх недочитанной статьи. Тогда, сутки назад, он успел пробежать глазами пару абзацев, и в дверь постучали. Хозяйский сын, просунув конопатый нос в щель, весело крикнул:

– К вам пришли, господин Шевалье!

Огюст с недовольством поморщился, отложил газету, прикинул, кто это мог быть, не из канцелярии ли Университета... О статье вспомнил лишь сегодня, когда палисандровый футляр лег на заголовок: «Сена кишит трупами!»

Какая гадость!

Статья рассказывала о сенсации – о ней не первую неделю шумел «светский Париж». «Нельская башня», великий, оглушающий спектакль театра Порт-Сен-Мартен. Маг сцены Бокаж и Мадемуазель Жорж, романтическая трагедия, леденящий ужас Средневековья. «...И убийца не раз являлся ей в снах!» Таинственные авторы: никому не ведомый «Ф. Гайарде» и три звездочки, долженствующие обозначать самого...

О-о-о!

¹ Увертюра (от фр. *ouverture*, вступление) – инструментальное вступление к драматической композиции (опере или оперетте), обычно в трех частях. Увертюры писались для того, чтобы дать опоздавшей публике время занять место в зале.

Спектакль был отвратителен. Мадемуазель Жорж играла плохо. «Три звездочки», сиречь Александр Дюма (секрет Полишинеля! О-о-о!), оказался не в ударе. Но дело не только в таланте и старании. Огюст Шевалье ненавидел все «романтическое». Черный плащ, черное перо, черные зрачки, черные пятки... Отрыжка феодализма. Оправдание мерзости, какой славился Старый Режим.

Например, дуэлей.

...Шесть шагов, стрелять по жребию. В упор. Насмерть.

Дуэльные пистолеты, хитрое изделие Гастинн-Ренетта, способны убивать, но не смеяться. Однако чудилось, что оружие скалится в глубине короба – насмешливо и зло. Подмигивает, бесшумно двигая курками. У Шевалье, реалиста и противника дуэлей, пистолеты оказались под рукой. Романтик и слуга своей чести Эварист Галуа оружием не обзавелся. Стрелялся из чужого – если вообще стрелялся, если не застрелили.

С шести шагов.

* * *

Пистолеты достались Огюсту по наследству. Марсельский дядя, спустив все состояние на гвинейской торговле, отписал племяннику двести франков, чучело совы – и палисандровый футляр. Шевалье поначалу думал отказаться – и от денег, и от прочего. Дядю он видел два раза в жизни – их семьи не ладили. Но передумал и съездил в Марсель. Франки ушли на оплату мансарды возле Латинского квартала, сову он подарил университетскому музею, пистолеты же решил продать, если станет туго.

Этот час пришел. Но расстаться с оружием Шевалье не спешил. Напротив, взялся за футляр, приподнял крышку... Опустил. Сейчас нужно думать не о пистолетах. Письмо?

Письмо!

Оно лежало во внутреннем кармане. Копия. Лично переписал, буква к букве, слово в слово.

«Ко всем республиканцам, 29 мая 1832 года. Я прошу моих друзей-патриотов не упрекать меня за то, что я отдаю жизнь не на благо своей страны...»

Огюст закусил губу.

«Я умираю жертвой подлой кокетки. Мою жизнь гасит жалкая сплетня. О! Почему приходится умирать из-за пустяка, умирать ради того, что презираешь! Беру в свидетели небо, что я всеми способами пытался отклонить вызов и принял его лишь по принуждению. Я раскаиваюсь, что сказал роковую истину людям...»

Это было последним, что успел написать его друг Эварист Галуа. «Мою жизнь гасит жалкая сплетня...» Какая сплетня? Какая кокетка?! Какая, кровь Христова, дуэль – без секундантов, без врача?! Тяжелая пуля вошла в живот, Галуа бросили истекать кровью возле пруда Глазьер в Жантийи.

Ехать за смертью через весь город? Романтика, черный плащ, «Нельская башня».

Бред!

«Меня вызвали два патриота... Я не мог отказаться. Простите, что не дал знать никому из Вас. Противники взяли с меня честное слово, что я никого не предупрежу. Ваша задача очень проста: вам надо подтвердить, что я дрался против воли...»

Странное письмо адресовалось каким-то Н. Л. и В. Д. И, само собой, «всем республиканцам». В больнице Кошен, умирая, Галуа подтвердил: была дуэль. Огюст не слышал – опоздал. Ему сказал об этом Альфред, младший брат Эвариста. Предсмертные слова не убеждали. Галуа могли заставить – пригрозить, что расправятся с тем же Альфредом.

Мальчику еще семнадцати не исполнилось.

«...Я не способен лгать даже в таком пустяке, как тот, о котором шла речь. Не забывайте меня! Ведь судьба не дала мне прожить столько, чтобы мое имя узнала Родина».

Огюст Шевалье вытер слезы. Судьба не дала прожить... Нет, господа, не спрячетесь! У Судьбы есть имя и фамилия, Судьба состоит на службе, получает жалованье и награды. Возможно, именно сейчас мадам Судьба докладывает патрону, что дело сделано: имя Галуа, двадцатилетнего гения, не узнает Родина-Франция. Получилось – не с первой попытки, не со второй, но все-таки удалось.

Эварист Галуа, математик и революционер, мертв.

Они подружились в Нормальной школе. Огюст был старше на год. Иногда казалось, что разница больше. Не только потому, что Шевалье успел закончить курс и получить диплом учителя, прежде чем ими всерьез занялась полиция. Диплом ничего не значил. В государстве, где правил Король-Гражданин, социалиста Шевалье, бакалавра гуманитарных и естественных наук, на службу брать не собирались.

Он не настаивал.

В свои двадцать два, несмотря на отсутствие службы и даже приличного фрака, Огюст чувствовал себя вполне уверенно. Учиться в Университете можно и без фрака. Кусок хлеба без особого надрыва зарабатывается разгрузкой барж на Сене – которая, по утверждению Дюма-Три-Звезды, кишит трупами.

Трупы и вправду попадались. Огюст видел одного – бродягу, утонувшего с перепоею. Товарищи-грузчики рассказали, что подобные «гостинцы» Сена приносит каждую неделю. Особенно после праздников и в холода.

Настоящие трупы – не из пьесы – Огюста не пугали. Как и живые, если брать с собой на реку испанский нож. Драться и таскать тяжелые мешки он научился в родном Ниме. Порой становилось совестно: для борца за всеобщую справедливость он выглядел слишком благополучным.

Впору стыдиться – широких крестьянских плеч, румянца на щеках, отменного, истинно южного здоровья. Он – не герой в «романтическом» плаще. Таковой обязан быть бледным, кашляющим от чахотки. Гореть должны глаза, не щеки.

Вот Галуа выглядел истинным героем: бледен, худ, изможден. Черные кудрявые волосы, темные глаза... Романтик!

В четырнадцать оба увлекались филологией. В Университете вольнослушатель Шевалье начал изучать геологию. Потом – новую, еще не имевшую имени науку: исследование допотопной жизни.

Эварист ушел в математику – с макушкой, с ушами, торчащими из-под черных кудрей. Курса, увы, не закончил. Его исключили – после того, как первые работы девятнадцатилетнего парня опубликовал «Бюллетень барона Феррюсака».

– Галуа одержим! – воскликнул один из преподавателей, прочитав свежий номер. – Одержим бесом математики!

Поначалу Шевалье еще мог понять, чем «одержим» друг. Математику знал неплохо, по крайней мере в объеме учебника Лефевра де Фурси. Перелистал ради интереса «Элементы геометрии» Лежандра. Для Галуа толстый том Лежандра был настольной книгой. Вскоре он заявил, что «это» слишком просто. Когда же Огюст интересовался, куда занесло друга, тот честно пытался объяснить.

Его слова Огюст запомнил.

«Это же элементарно! Представь себе снежинку, вершины которой отстоят друг от друга на шестьдесят градусов. Представил? Если снежинку повернуть вокруг оси, проходящей через ее центр перпендикулярно к плоскости, на шестьдесят градусов, или на число градусов, кратное шестидесяти, то ее вид в целом останется неизменным, даже если какая-нибудь вершина

и изменила свое положение. Ясно? Операция, которая оставляет общий вид фигуры неизменным в этом смысле, называется операцией симметрии...»

Снежинку Шевалье вполне себе представлял – большую, холодную, бледно-синего цвета. О снежинках писал великий Кеплер, чуть ли не стихами. Зачем ее поворачивать вокруг оси?

Одержимый...

Одержимого изгнали – с шумом, с позором, с публикацией коллективного письма. Шевалье в те дни изучал конструкцию тюремных решеток и мог лишь изумиться. Он, член нелегального Общества Друзей Народа, на иное обращение не рассчитывал. Но его друг не социалист, он – ученый! Лучший математик школы...

Лучшего осудили за лень и аморальное поведение. Огюст узнал это, сидя на скамье подсудимых и читая свежую «La gazette de L'Ecole». Прокурор, обиженный невниманием к своей громовой речи, с ехидством поинтересовался: в чем причина «крайнего цинизма» обвиняемого? Шевалье, сбитый с толку, не огрызнулся, а обстоятельно изложил суть дела. Тут уж заинтересовался судья, чей двоюродный брат, как выяснилось, был непременным секретарем Академии Наук.

Шевалье оправдали.

Кажется, знакомство с Галуа стало не последней тому причиной.

Они не виделись больше месяца, после того, как Галуа перевели в тюремную больницу Фолтрие. Не по вине Огюста – в его последний визит Эварист заявил, что не хочет отравлять друзей «ипохондрией». Огюст обиделся. Обиделся и сейчас – на мертвого. Написать каким-то «инициалам»...

Н. Л., В. Д. – кто это?

Ну конечно! Не быть ему сыщиком! Н. Л. – Николя Леон, их общий приятель, драматург и кандидат в новые Дюма! Точнее, *соратник* и графоман. Такому и «Нельской башни» не написать.

«...И убийца не раз являлся ей в снах!»

Шевалье зло ухмыльнулся. Не напишет – и не надо. Зато ответит! Если потребуется – несколько раз. Сначала ему, затем – в полицейском комиссариате. А еще лучше – в Директории Общества Друзей Народа.

Похороны в субботу, 2 июня 1832 года. Новое Южное кладбище – оно же кладбище Монпарнас.

Огюст Шевалье открыл футляр и вынул пистолеты.

2. Adagio

Кладбище Монпарнас

Жить в Париже трудно. Еще сложнее – умирать. Вроде бы все происходит само собой. Закрыв глаза, сложил руки на груди... Можно при нотариусе и враче. Можно на помосте гильотины. Можно у пруда Гласьер с пулей в животе. Древние знали: дорога *туда* широка, с пути не собьешься.

Древние не знали, как хлопотно мертвецу в Париже.

Шевалье понял это быстро. Умер его товарищ по Нормальной школе, Гастон Леруа – земляк, из Нима, круглый сирота, нищий, как пономарь-пропойца. Леруа сгубила чахотка – обычная смерть для южанина-провансальца на сыром севере. Огюст счел своим долгом позаботиться о похоронах.

Прочие земляки сделали вид, что их это не касается.

Деньги собрали. Скинулись учителя, даже директор Гиньо внес лепту. Шевалье отправился в ближайшую похоронную контору. Вот тут-то началась истинная «Нельская башня». В Париже не хоронили – здесь арендовали место для могилы. За эту цену в Ниме можно было купить дом. Только дом – надолго, а могила предлагалась на десять лет.

Престижные участки кладбищ резервировались семьями «старожилов». Бедняге Леруа светила в лучшем случае «боковушка» у ограды, где-нибудь на Дез Ар. Словно в скверной ночлежке: ночь провел – и скатертью дорога.

Огюст упорствовал. Он обошел весь город – на фиакре разоришься! – и добрался до окраины в районе Старых Ферм. Южное кладбище, недавно открытое и «немодное», согласилось приютить мертвеца. В общую могилу, зато навечно. Тогда и запомнил Шевалье это место: низкая, в грязной побелке, ограда, черная земля в редких пятнах травы, богатые надгробья у ворот, дальше – холмики «общаков».

Пусто, голо, мерзко.

Единственная достопримечательность – башня с крышей-колпаком. Как объяснили сторожа, бывшая мельница. Почему не снесли? – историческая память. Или просто руки не дошли. Мертвая мельница на мертвой земле смотрелась жутко.

«...И убийца не раз являлся ей в снах!»

Башня оказалась на месте. Ее недавно перекрыли ярко-красной черепицей. И стены подновили. Воистину, гроб вапленный, о котором говорят на проповедях – красив снаружи, отвратителен изнутри.

Изменилась не только Мельница. Исчезла пустота черного поля. Могилы тянулись ряд за рядом – теснясь, упираясь гранитными боками. Отряд мраморных ангелов зорко следил за самым святым, что есть у парижанина, – Собственностью.

Смерть по-хозяйски осваивала новую обитель.

Похоронную процессию он встретил у ворот – катафалк прибыл по расписанию. Беднягу Галуа хоронили не утром, не днем – вечером. Июньский день долог, солнце лишь начало клониться к крышам близких домов. Но позднее погребение казалось зловещим.

Удивила и толпа – огромная, густая. Покойник был родом из Бур-ля-Рена. Не дальний свет, час верхами от столицы. Однако не каждый сосед станет запрягать экипаж ради парижских похорон. А в столице Галуа не жаловали. Кто придет? – соученики по школе? Единомышленники из Общества Друзей Народа? Новые приятели из тюрьмы Сен-Пелажи?

В тюрьме Эварист не ладил с соседями. Сен-Пелажи была набита политическими, и борцы за демократию топили бессильный гнев в дешевом вине, благо кабачок находился прямо в тюремном дворе. Галуа не мог работать, сердился, начал пить сам.

Однажды полоснул бритвой по венам...

– Наконец-то! Ты где пропадал, пропадал, Огюст?

Зверь бежал на ловца. Вот он, Николя Леон – пухлый, румяный, довольный собой. И, как обычно, слова без нужды повторяет. Не иначе, чтобы его лучше поняли, поняли. Ради грустного дня с лица исчезла вечная улыбка. Уголки губ то и дело пытались дернуться, но Н. Л. честно соблюдал траур. Темный сюртук, черная повязка...

– Я тебя тоже искал.

«Кто из нас лжет?» – подумал Шевалье. В эти дни он не искал Леона. Но в штаб Общества забегал регулярно. Заходил и в Латинский квартал, к университетским знакомым Галуа. Николя там не было. Его никто не видел, не встречал.

Где же ты искал меня, пухлый Леон?

– Смотри, сколько наших пришло, пришло! Смотри, смотри! – короткопалая ладонь тыкала в толпу. – Мы им еще покажем, покажем! Мы!.. Мы!..

Хотелось уточнить, кто это – «наши», а заодно и «они», кому следовало «показать». Пистолет Шевалье пристроил за поясом, по-разбойничьи, накинув на плечи старомодный редингот, одолженный у соседа. Не слишком удобно, но терпимо. Если не станут обыскивать, не заметят.

У ворот вышла заминка. Катафалк отвели в сторону, компания крепких, одинаково одетых парней подошла к гробу. Взяли, понесли...

– Галуа! – громким шепотом отозвалась толпа.

И перешла на крик:

– Галуа! Республика! Га-лу-а!!!

Огюст Шевалье молчал. Слишком похожи были те, что несли гроб. Слишком слаженно орали незнакомцы. Взгляд зацепился за человечка в кушем фраке, с раскрытой тетрадь в руке. Репортер?

– Галуа! Республика и генерал Лафайет!!!

Человечек во фраке крутил головой, привставал на цыпочки. Свинцовый карандаш тыкался в бумагу. Огюст заметил еще одного, с тетрадкой. Темные окуляры, цилиндр надвинут до бровей. Ну, с этим все ясно.

Пистолет тянул вниз, к земле. С запоздалым сожалением Шевалье сообразил, что не взял шомпол. Оружие заряжать не стал, боясь остаться без ноги. Изделие Гастинн-Ренетта – не драгунский короткоствол, такое за поясом носить опасно. Пули взял, сунул в карман пороховницу.

Шомпол!.. эх!..

– Галуа! Смерть тиранам!

– Кто они? – не выдержал Огюст. – Николя, ты их знаешь?

Спросил – и пожалел.

– В каком смысле? – удивился Николя Леон. – Вот что, Огюст, Огюст... Давай отойдем.

У ворот началась давка. Гроб неспешно плыл поверх голов.

– Республика или смерть!

Двигаясь за сутулой спиной Леона, Шевалье подумал, что графоман ни разу не дал почтить ни одной своей пьесы. Пересказывал, декламировал куций отрывочек про графиню, страдающую возле чаши с ядом... Этак каждый – Дюма! Кто ты, Н. Л.?

Откуда?

Возле каменной стены, отделявшей мир живых от царства мертвых, Леон остановился. Резко повернувшись, шагнул вперед, на Огюста.

– В последнее время ты задаешь слишком много вопросов! Обо мне спрашиваешь кого попало, попало. Зря, Огюст!

В спину ударил очередной крик: «Лафайе-е-ет!» Покойник Галуа не выносил Лафайета, считал его предателем и трусом, из-за которого Республика не родилась в 1830-м. Именно

Лафайет поддержал Короля-Гражданина, вместо того чтобы отправить наглеца к ближайшей стенке. Но Эварист уже не возразит – о молчании позаботились.

– Были причины, Николая.

– Ну конечно, – кивнул Леон. – Галуа написал не тебе, а мне. Мне! А ты заметил, что все наши не хотели тебе отвечать, отвечать? Смотри внимательно, повторять не буду.

Он протянул широкие ладони, словно за милостыней. Миг – и пальцы сложились странной, похожей на птицу фигурой.

– Понял?

– Да.

Тайный знак – пароль, показанный Шевалье в день приема в Общество. Знак его тезки Огюста Бланки, Командора. Зеленого новичка, взятого исключительно благодаря протекции старшего брата, Мишеля Шевалье, строго предупредили: запомни, и если увидишь...

– Время года – осень. Месяц?

– Вандемьер, – выдохнул Шевалье. – Месяц вандемьер, сбор винограда...

Про «осень» знал только Командор.

– Я отвечаю за безопасность Общества. Заменяю Командора, пока он в крепости. Галуа хотел написать письмо Бланки. Я дал совет не упоминать вождя. Вождя! В. Д. – это Виктор Делоне, он мне помогает.

Огюст отвел взгляд. Все ясно – Эварист Галуа соблюдал дисциплину. Мог бы, конечно, и другу написать...

– Что вы раскопали? Это была дуэль?

– Дуэль, – Леон поморщился, глянул в яркое летнее небо. – Один пистолет на двоих, шесть шагов, по жребью. Убийство в рамках дуэльного кодекса. Эвариста вызвали Александр Дюшатле и его приятель, национальный гвардеец. Да, гвардеец. Все?

– Дюшатле... Он дружил с Галуа! Из-за него Эварист попал в тюрьму...

Галуа судили за сущую глупость – незаконное ношение формы Национальной Гвардии. Надел он ее на демонстрацию в защиту арестованных товарищей, в том числе и Дюшатле. Форма была предлогом упрятать парня за решетку. Перед этим Галуа пытались судить за то, что он на банкете помянул королевское имя, держа нож в руке.

Не получилось – слишком глупо.

– С Дюшатле говорили?

– Не можем найти. Найдем, не волнуйся. Нам пора, начинают.

Шевалье оглянулся. Процессия втягивалась в ворота.

– Из-за кого случилась дуэль? В письме говорится, что из-за «кокетки»...

– Какая теперь разница, разница? Стефания дю Мотель, дочь врача лечебницы Фолтрие. Дюшатле – военный, усы до ушей. Что еще девице требуется? Галуа – парень горячий, не сдержался. Наговорил всякого... Пока мы не разобрались, Дюшатле поминать не будем. Пустим байку для газет, намекнем на аристократа, записного бретера... Такое съедят с удовольствием. Видел крепких ребят – у гроба? Из военной школы, сами вызвались. Растем! Пусть полиция знает. Иногда полезно качнуть мускулом.

– Я хочу вам помочь, Николая!

– Мы к тебе обратимся, обратимся. После...

* * *

Все похороны похожи – в пригороде Нима, в Парижском Пантеоне, на Новом Южном. Огюст Шевалье имел печальный опыт: ребенком стоял у гроба бабушки, подростком хоронил отца. Две недели назад провожал своего несостоявшегося учителя – великого Жоржа Кювье.

Первооткрыватель допотопной жизни обещал зачислить Огюста, представленного академику, в штат лаборатории. Бодр, весел, никто и предположить не мог...

Кювье умер в шестьдесят три, проболев два дня. Не возраст для ученого. Однако шестьдесят три – не двадцать. Вон, отец и мать бедняги Эвариста – с серыми лицами. Окаменел от горя Альфред, младший брат. Ему-то какво! Родители не успели к смертному одру, успел он. Рассказал обо всем друзьям, полиции – та даже не заинтересовалась случившимся. Был человек, нет человека... А ведь Галуа официально считался заключенным, числился в тюремных списках.

Из Сен-Пелажи никто не пришел констатировать смерть.

Кюре отсутствовал. Не было и депутатов Палаты. Зато политики-лилипуты суетились, строясь в очередь. Записные болтуны, сами не знают, чего хотят: Республику или порцию бланманже. Один протолкался к гробу, снял шляпу, сурово нахмурил брови.

– Сограждане! Французы! Сегодня мы провожаем...

Шевалье вздохнул – этот надолго. Жаль, не смог прийти Командор. Говорят, просил начальника тюрьмы, чтобы отпустил под конвоем. Отказали. Странное дело! – Галуа судили одновременно с вождем, даже срок одинаковый дали – год. Вождь в крепости, к нему не попасть, но Командор жив. Его сторожат, кормят, лечат – и не убивают.

– ...жестokie удары судьбы. Рок нанес внезапный удар!..

Не иначе, вчера оратор смотрел «Нельскую башню». Удар не был внезапным. Сперва в камере – загадочный стрелок из мансарды дома напротив промахнулся, убив соседа Галуа. Затем странная попытка самоубийства. Эварист ничего не помнил. Выпил в тюремном кабаке, заснул – и проснулся весь в крови. Бритва полоснула по венам.

Он клялся, что умирать не собирался, – ему не верили.

– ...Во имя будущего!..

Оратора-толстяка сменил у гроба человек-спица, живое воплощение чахотки. Впрочем, чахотка оказалась не только живой, но и говорливой.

– Граждане-е-е-е! Трудовой Пари-и-иж!

Толпа шевельнулась, потянулась к гробу. Шевалье закрыл глаза – и увидел друга, веселого, юного, в форме ученика Нормальной школы. Шляпа, как у бурбонского камергера, блестящие пуговицы в два ряда.

Прощай, Эварист!

Расходились не спеша.

Случайных зевак унесло первыми. Одинаковые крепыши выждали минуту возле разверстой могилы – и были таковы. Политики задержались, спеша пожать как можно больше рук. Но и они ушли, не дождавшись, пока гроб покроют землей. Парижский обычай – дослушать священника, пособолезновать и прочь.

Наблюдатели с раскрытыми тетрадками убрели к воротам. Брали интервью или фиксировали уходящих. Родители и кучка членов Общества стояли, наблюдая, как темный провал жадно поглощает желтую глину – лопату за лопатой. Наконец могила пресытилась, вспучилась горбом. Служители подровняли холм, на глину легли венки.

Кто-то предложил спеть «Марсельезу», но отклика не нашел.

Расставались за оградой. Все это время Шевалье озибался, пытаясь увидеть Леона. Тот исчез внезапно, словно провалился в желтую глину. Его не было у ворот, не было за воротами. Огюст распрощался со знакомыми и в последний раз глянул на обитель мертвых.

Николя Леон стоял у могилы. Желтая глина отпустила его.

Тяжелый пистолет норовил скользнуть набок. Шевалье поправил оружие. С минуту о чем-то думал, хмурясь. И шагнул обратно, ко входу на кладбище Монпарнас.

* * *

За калиткой – в ворота он входить не стал, помня приметку – его встретил сумрак. Стемнело резко, будто на дворе не лето, а осень, «личный» месяц вандемьер. Но времени на раздумья не осталось. Следовало не упустить Леона...

Вот он!

Николя Леон был уже возле первого ряда надгробий, рядом с равнодушным белым ангелом. Поднял руку, ожидая, пока Огюст его заметит. Указал влево, в глубь боковой аллеи.

Кладбище опустело. Лишь у свежей могилы возились служители. Страха Шевалье не чувствовал. Пухлому Леону с ним не совладать. И пистолет...

Шомпол!..

Он не бежал – шел, как по бульвару. В душе проснулся азарт. Леон крутит, недоговаривает. Все расскажет, все! Пусть не думает, что хитрее других. Прощаясь, Огюст на всякий случай предупредил: сгину, спрашивайте у Николя. Заодно и дуэль помянул – кокеток не люблю, вызова не получал.

На аллее – узкой, вдвоем не пройдешь – не было ни души. Шевалье замедлил шаг. Вскоре из-за дальнего ангела показалась знакомая фигура. Леон махнул рукой. Кажется, там поворот и еще одна аллея.

Исчез...

День выдался теплый. Огюст упарился в рединготе. Однако сейчас, на мрачной и пустой аллее, он почувствовал внезапный холод. Небо над головой наливалось темнью. Лето! И ветра нет, и туч... На ходу, в спешке, он застегнулся на все пуговицы. Левый локоть больно ударился о камень.

Проклятая аллея!

«Так нельзя. Береги силы. Ты устал. Не спал две ночи. Вот и начало шатать. Подумаешь, локоть ударил...»

Вперед!

Если он верно запомнил, Николя повернул где-то здесь. Куда? Надгробия стояли тесно, впритык. Мелькнула и пропала мысль о нелепости происходящего. Заблудиться на кладбище Монпарнас, среди дюжины памятников – в такое никто не поверит. Добро бы еще на Дез Ар, где хоронят со времен Людовика Святого. Чепуха, он просто не заметил нужный поворот.

Надо вернуться.

Огюст вытер ладонью вспотевшую, несмотря на холод, шею. Глянул в проход между равнодушными плитами. Десять шагов. Два... Пять... Семь...

Пришли.

Не очень понимая, что делает, он протянул руку и засмеялся. Пальцы уперлись в камень. Высокая стела загораживала путь. Аллеи не было. Исчезла.

Продолжая смеяться, Огюст присел у подножия. Захотел прочитать надпись, но буквы расплывались, съеживались, прятались друг за дружку. Какая, собственно, разница? Главное, кто-то определенно спятил – или наглая каменюка, или он сам. А поскольку надгробия сходят с ума реже, чем люди...

Хорошо сидеть, подумал он. Спокойно. Закусив губу, Шевалье согнал с лица усмешку (нашел, дурень, где смеяться!) и глубоко вздохнул. Ничего, ничего, как сказал бы пухлый Николя.

Он устал и переволновался.

Неподалеку звякнул колокольчик – легкий, хрустальный. Про них Огюст наслушался в детстве. Хрустальные колокольчики, феи, лесные человечки... полевые... кладбищенские...

– Новенький! Новенький! Новенький-новенький-новенький! – звонкими голосами отозвался хрусталь. – Новенький! Пришел-пришел!

Колокольчикам было весело. Их голоса кружились возле лица, глаз и губ.

Кто так поздно к нам пришел?
В нашу компанию, к Маржолен?
Кто так поздно к нам пришел?
Гей, гей, от самой реки?

Это бедный шевалье,
В нашу компанию, к Маржолен.
Это бедный шевалье,
Гей, гей, от самой реки.

Песню Огюст знал. «Рекой», просто «рекой», без уточнений, называли красавицу Рону. А «шевалье» – если не с большой буквы, а с обычной...

К дочке нашей он спешит,
В нашу компанию, к Маржолен.
К дочке нашей он спешит,
Гей, гей, от самой реки.

Дворян в роду не было. Крепостные, выкупившиеся у местного барона пару веков назад, честно выращивали маслины возле Гренобля. Прадед накопил денег на патент нотариуса и переехал в Ним. Фамилия и в самом деле подгуляла. В страшные годы Революции дед попытался сменить ее на Равенство или хотя бы Братство, написал заявление в Комитет Бдительности, дал объявление в газету. Не успел – попал на гильотину, день в день с Дантоном. Так и осталось – Шевалье.

Беды в том Огюст не видел. Впрочем, как и повода для гордости.

Душу он свою принес
В нашу компанию, к Маржолен.
Душу он свою принес,
Гей, гей, от самой реки.

Огюст начал подпевать колокольчикам. «Душу он свою принес...» Стоп! Дома пели не «душу» – «сердце». Шевалье приплыл свататься. Отчего же «душу»? Они что, Гете начитались?

Что происходит, кровь Христова?!

Он вскочил, провел мокрой ладонью по лицу. Помотал головой, гоня хрустальный звон. Тело отозвалось болью и усталостью. Ничего, сейчас все пройдет. Сейчас, сейчас...

Взгляд скользнул по мраморному лицу. Еще один ангел. Из одной мастерской, из-под одного лекала. Крылья да хитон.

– Стоишь, идол? – подбодрил крылатого Огюст. – Суеверия воплощаешь?

Камень искривило гримасой. Ангел обиделся.

– Сам хорош, – дрогнул мрамор губ. – Шомпол забыл. И о снежинке забыл. Все забыл!

Истукан решил, что имеет право его попрекать?

– Не забыл. Все элементарно. Представим себе снежинку, вершины которой отстоят друг от друга на шестьдесят градусов. Если ее повернуть вокруг оси...

– Это ты заучил, а не понял, – перебил вредный идол. – Снежинка – пример. Свойства, справедливые для комбинаций поворота снежинки, присущи любому множеству операций симметрии над любой системой. Они называются групповыми свойствами. Зубрила! А о снежинках лучше почитай у Кеплера.

Нашелся знаток! Поставили гроб сторожить – сторожи, а не рассуждай о групповых свойствах. Читали мы Кеплера, еще в Нормальной школе! Огюст открыл рот – и вдруг увидел себя со стороны. Кладбище. Ангел. Операции симметрии.

«...И убийца не раз являлся ей в снах!»

Он не закричал. Хватило сил шагнуть на грязный гравий аллеи. Ничто не загораживало путь. Сгнула наглая стела, тропа между надгробиями была пуста. Молчали ангелы. Только небо изменилось – почернело, сгорело дотла.

Сколько он просидел, слушая колокольчики?

– Вам налево, сэр!

Могильщик заступил дорогу внезапно. Наверное, из тех, кто работал у свежего захоронения. Неопрятная кофта до колен, мятый цилиндр, щетина на подбородке... Почему «сэр»? Они разве в Лондоне?

– Налево!

На сей раз обошлось без «сэра». Небритый в кофте загораживал проход, растопырив локти. Сердце дало сбой. Это уже не колокольчики, не ангелок-математик. Да он не могильщик! Такого лица... такой рожи...

Борозды-морщины. Угреватый нос с кабаньими ноздрями. Рыжие бакенбарды торчком. Рыжие брови-кусты поверх щелок-глаз. Зубы чуть ли не в три ряда – желтые, хищные, из-под губы вылазят.

– Сэр! Вам следует пройти налево.

Не голос – хрип с повизгиванием.

– Сэр!

Огюст Шевалье внезапно успокоился. Это не призрак, не галлюцинация, не расстройство усталого мозга. Это пугало из полицейского комиссариата – или из ближайшей ночлежки. Кладбищенский Картуш в поисках легкой добычи. Шомпол не понадобится, но оружие он захватил не зря. Хороший аргумент для беседы.

Огюст улыбнулся прямо в жуткую харю. Скользнул рукой за отворот редингота. Вечерняя тьма вспыхнула белым огнем. Погасла.

– Новенький! Новенький-новенький! – взорвались от радости колокольчики.

Умолкли.

3. Allegretto

Нельская башня

– Goddamit! ² Этот болван потерял шомпол.

– А зачем нам шомпол, герр Бейтс? Разве мы собираемся стрелять? Здесь не в кого стрелять. Мы не любим, когда стреляют, вы же знаете.

– Ури! Не лезь не в свое дело. Ты его хорошо обыскал?

– Да.

– Если Эминент прикажет его оформить, разыграем самоубийство. Застрелился на могиле друга. Душа не вынесла! Д-дверь! Французишки съедят на раз, они обожают романтический клистир. Обстригаем дельце в лучшем виде! Пистолет его собственный, порох, пули... Нет, порох и пули заберем. Пусть полиция думает, что оружие он зарядил дома. Оттащим поближе к этому Галуа...

Огюст Шевалье слушал. На все прочее он был не способен. Рядом легким ветерком дышала боль. Ударили сильно, кажется, в живот. Спина затекла, он лежит на чем-то твердом. А эти двое, Бейтс и Ури, рассуждают, как ловчее его «оформить».

И пахнет сыростью. Наверное, он под землей. Или в заброшенном замке: мокрые камни, старые балки набухли за годы. Нельская башня.

– Герр Бейтс! Наш добрый Эминент не прикажет такого. За что его оформлять? Он не вивисектор, не врач. Врача мы бы и сами оформили, вы нас, герр Бейтс, знаете. За милую душу! Мы бы докторишку на кусочки разорвали! Но этот человек – не врач, он хочет изучать допотопных чудищ, а это нам даже нравится. Это нам очень интересно. Вы, герр Бейтс, зря его били, вам не приказывали распускать руки. Лучше бы добрый Эминент послал нас.

– Ури, заткнись. Пошли Эминент тебя, мальчишка помер бы на месте – от страха. Не хотел я его бить, велика честь. Но он прихватил оружие. Как бы ты поступил? Д-дверь, возись теперь с ним!

Шевалье рискнул шевельнуть рукой. Боль взвихрилась, накрыла, вцепилась острыми когтями. Он закусил губу, чтобы не застонать. Соппротивление бесполезно. Решат «оформить» – «оформят». Или на кусочки разорвут – за милую душу... Ури странно разговаривает – маленький мальчик, которого обидели злые доктора. Стоп! Ури помянул чудищ – допотопных. Значит, эта парочка, англичанин и немец, не случайные разбойники-душегубы.

Тем допотопные чудища без надобности.

«Искали меня – Огюста Шевалье, друга покойного Галуа. Дуэль и самоубийство – французишки съедят на раз. Мы клистир обожаем...»

Рука послушалась – зашевелила пальцами. В отместку боль подступила к сердцу. Ударила кулаком. Огюст не выдержал, охнул.

– Ему плохо, герр Бейтс! Вы же слышите! Нам его очень жалко.

– И что я должен делать? Goddamit! Если хочешь, позови врача.

– Что вы за глупости говорите, герр Бейтс! Врач станет пилить его стальной пилкой. Врач отрежет руки, ноги, голову... Нет-нет, нам не нужен врач. Мы хотим оформить всех врачей в мире. Всех-всех! Но этот человек – не врач, он хороший, он чудищ изучает. Изучает, герр Бейтс, а не режет на части и сшивает ниткой!..

Усовестившись, боль отступила. Шевалье прикинул, не потянуть ли время. Нет, опасно. Вдруг кликнул лекаря – со стальной пилкой?

Он резко выдохнул – и открыл глаза.

² Искажённое «God damned it» – «проклятое Богом», «Бог проклял это»; бранный возглас «Проклятие!» на жаргоне лондонского дна.

В Нельской башне царил полумрак.

Грубый камень стен уходил в темноту, скопившуюся под потолком. Чернели ступени, уводя куда-то вверх. Поодаль стояли большие дощатые ящики. Все старое, сырое, пропитавшееся временем и влагой. Конечно, не Нельская – та давно снесена, – но башня: мощные стропила, доски перекрытия над головой.

И свет – ровный, тусклый. Откуда? Лампы он не заметил. Чудилось, будто светятся стены. Не гнилым огнем, спутником свежих могил. Свет был теплый, мягкий, заволаживающий. Живой.

– Очухались? – прохрипели слева.

Кошмарный герр Бейтс скривил рожу, изрезанную морщинами. Цилиндр громила натянул на рыжие брови, мощные лапы скрестил на груди. Пистолет пристроился за поясом. Его, Огюста, пистолет – «Гастинн-Ренетт», дядино наследство.

– Очухались – вставайте!

Приглашение не обещало ничего доброго. Шевалье решил погодить. Лежачего не бьют. Итак, башня. Где есть башни в Париже? Бастилию, слава Республике, снесли...

– Ури!

Темное, большое надвинулось справа – великан из детских сказок. Сильный рывок вздернул Огюста на ноги. Он чуть не упал. Крепкие пальцы взялись за плечи, помогли устоять.

– Только вы не пугайтесь, герр Шевалье. Люди почему-то нас пугаются.

Предупреждение запоздало – Огюст *увидел*. Лица у великана не было. Лоскуты кожи сшиты неумелой иглой, грубые швы вокруг глаз. Сами глаза разные – выше и ниже, больше и меньше... Шевалье навиделся уродов – на каждой ярмарке по дюжине. Но Ури, судя по всему, не родился уродом.

«Резать на части и сшивать ниткой...»

– Выпейте, герр Шевалье!

В огромной ручище Ури появилась фляга. Огюст без удивления отметил корявые швы между пальцев. Кажется, у великана и впрямь не сложилось с докторами.

– Спасибо, господин Ури.

Во фляге оказалось не вино, а странный напиток. Без спирта, кисло-сладкий. С первым же глотком стало легче. Веселее. В конце концов, его не «оформили», не заковали в цепи.

Жить можно!

– Не называйте нас так, герр Шевалье, – чуть подумав, рассудил страшный Ури. – Метафизически это неверно. Мы склонны считать подобное в некотором роде богохульством и узурпацией прав...

– Прекрати! – рявкнул Бейтс. Он явно слышал монолог не в первый раз. – Теолог отыскался! Д-дверь! Свистни Эминенту, он велел...

Громкое сопение великана заставило громилу умолкнуть.

– Вы неблагодарны, герр Бейтс! Вы быстро забываете все хорошее, если смеете говорить о добром Эминенте в таком тоне. Доброго Эминента нельзя свистнуть. Его можно почтительно пригласить. Очень почтительно, герр Бейтс. К тому же вы часто богохульствуете, а это вредит вашей бессмертной душе!

«С чего бы им, немцу и англичанину, разговаривать по-французски? Чтобы мне было понятнее? Вряд ли. Возможно, Бейтс не знает немецкого, а Ури – английского. Зато оба худо-бедно говорят на языке Вольтера...»

– Извините, что мы об этом вам напоминаем, герр Бейтс. Такое неприятно слышать. Но мы обязаны предостеречь...

«Ну конечно! Ури – один из швейцарских кантонов. Отсюда и „герр“, и отменный французский. У великана не имя – кличка. Швейцарец-исполнин Ури, жертва злых докторишек!»

О чем-то подобном Огюсту уже приходилось слышать или читать.

– Кончай проповедь! Эминент!

«Где? – изумился пленник. – Ни звука шагов, ни голоса...»

И тут он увидел свет. Синий огонь возник наверху, в темном проеме, куда вела лестница. Вначале точка, затем – дрожащий венец. Огонь рос, струился по ступеням... Шевалье сглотнул, не веря своим глазам. Электричество? Вольтова дуга?

Раздался скрип. Появилась нога в остроносом сапоге.

– Эминент! – возликовал плохо сшитый великан Ури.

Огюст не знал, кого ожидал увидеть. Однако без гения места не обошлось. Раз Нельская башня, то главный здесь – некто в рыцарских латах и шлеме с закрытым наглухо забралом. В крайнем случае годился черный плащ и бархатная маска. Романтика, ничего не попишешь. Дюма Три Звезды вывел бы именно такого Эминента. Сена кишит трупами, убийцы являются во снах...

Плаща не было. Как и лат с забралом. Серые панталоны, дорожный сюртук. Сукно дорогое, но в меру. Полковник в отставке? Хотя маска-то в наличии?

Про полковника подумалось не зря. На сюртуке того, кто спускался, окружен мерцанием синего огня, над сердцем белел крестик. Золотая корона, узорный синий бант, издали похожий на листок клевера. В орденах Шевалье не разбирался. Прусская Корона? Шведский орден Вазы?

Лицо!

Обошлось без маски, даже без парика. Тонкие губы, длинный нос, впалые щеки. Большие уши оттопырены, кожа ровная и гладкая. Ни морщинки, ни родинки. Редкие светлые волосы зачесаны назад, седины нет и в помине.

– Добрый вечер, господин Шевалье!

По голосу – полвека, по виду – под сорок. А если в глаза заглянуть?

– Не хотелось начинать знакомство с подобного. Но...

Легкий взмах ладони – узкой, холеной. Огюст быстро огляделся. Был хрипатый – нет хрипатога. И великан пропал. Справа – дверь. Наверное, там спрятались.

Сапоги без звука ступили на земляной пол.

– Придется начать с извинений. Господин Шевалье! Я прошу прощения за моих друзей. С вами обошлись бестактно. Но поймите и нас! Мы – иностранцы. Наша миссия требует конфиденциальности. Члену Общества Друзей Народа должны быть понятны наши мотивы.

Взгляды встретились. Нет, Огюст не стал гадать о возрасте таинственного кавалера. Нельская башня, убийца во снах – это театр. А парижская полиция – сугубая реальность. Эминент не напоминал комиссара, но это не повод для исповеди. На карбонария ³ он тоже не слишком походил.

– Сомневаетесь? – улыбнулся Эминент. – Это правильно, господин Шевалье. Мы, собственно, попросили господина Леона пригласить вас, дабы исполнить некое поручение. По нелепой случайности в наши руки попало письмо. Оно предназначалось вам. Прошу!

Конверт возник ниоткуда – упал в протянутую ладонь. Нехитрый фокус заставил Огюста поморщиться. Еще бы пар из ушей пустил! Он хотел уточнить, от кого письмо, что за случайность такая...

Кровь Христова, почерк!

³ Карбонарий (итал. carbonaro – «угольщик») – член тайного общества, основанного в Италии, которое боролось против чужеземного гнета. Довольно быстро слово «карбонарий» стало обозначать вообще членов тайных обществ, борцов с режимом.

Пальцы дрожали, вынимая листок бумаги. Конверт был уже вскрыт, но Шевалье не стал возмущаться. Все стало мелким, пустым, словно неудачный спектакль. Пляшут строчки, пляшут в немом танце буквы...

«Огюсту Шевалье, 29 мая 1832 года

Дорогой мой друг!

Я открыл в анализе кое-что новое. Некоторые из этих открытий касаются теории уравнений, другие – функций, определяемых интегралами. В теории уравнений я исследовал, в каких случаях уравнения разрешаются в радикалах, что дало мне повод углубить эту теорию...»

Он напрасно обижался. Эварист Галуа написал ему – в ночь перед дуэлью, ожидая последнего в своей жизни рассвета. Прости, дружище, что я смел думать...

Прости!

Читалось плохо – синий свет скорее мешал, чем помогал. Но это было письмо Галуа – настоящее, без «кокеток» и «жалких сплетен». Друг писал о самом дорогом – о математике.

«...Ты знаешь, дорогой мой Огюст, что я занимался исследованием не только этих вопросов. С некоторого времени я больше всего размышлял о приложении теории неопределенности к трансцендентному анализу. Речь идет о том, чтобы предвидеть заранее...»

Шестиугольные снежинки.

Вершины отстоят друг от друга на шестьдесят градусов.

Галуа чувствовал Смерть. Костлявая торопила, заставляла уплотнять мысли, теснить слова. Ничего, Огюст Шевалье во всем разберется! Если понадобится – и в трансцендентном анализе. И величины подставит, какие потребуются.

«...Дай напечатать это письмо в „Ревю Ансиклопедик“. За свою жизнь я не раз позволял себе высказывать предположения, в которых не был уверен. Но обо всем, что здесь написано, я думаю уже около года, и слишком уж в моих собственных интересах не ошибиться. Обратись публично к Якоби и Гауссу и попроси их высказать свое мнение...»

Что же ты сделал, Эварист? Что с тобой сделали?

Бумага стала камнем. Огюст заставил себя сложить листок, показавшийся невероятно тяжелым, спрятал в карман. Завещание друга было простым и понятным. Его работы – стопка бумаг, портфель с медными замками. «Ревю Ансиклопедик». Якоби и Гаусс.

Карл Густав Якоб Якоби, Кенигсбергский университет. Карл Фридрих Гаусс, Геттинген, астрономическая обсерватория.

– Спасибо, господин Эминент. Я могу идти?

– Я не тюремщик. Признаться, мне очень совестно за случившееся недоразумение. Не называйте меня «господином», душой я до сих пор в 1789 году. Той весной я был в Париже – с Демуленом, с Лафайетом. Как здорово все начиналось! А потом – кровь и смерть... Но это не причина опять становиться «господином». После штурма Бастилии я отказался от титула, от фамилии, даже от имени, надеясь начать жизнь сначала. Эминентом меня называли в Яко-

бинском клубе. В шутку, конечно. Я не Выдающийся, не Совершенный – просто Эминент. С кардиналами прошу не путать, они – «Eminentio».

Огюст слушал, открыв рот. Этот человек заседал в Якобинском клубе? Лично знал Камилла Демулена?! Сколько ему лет? Даже если в 1789-м Эминент был мальчишкой...

– А я – Шевалье, – заспешил он. – Конечно, никакой не шевалье, я – республиканец, оба мои деда были якобинцами...⁴

Не договорил – застыдился. Что – он? Член Общества с двухгодичным стажем? Два ареста, один судебный процесс? – с оправдательным приговором. А этот человек видел, как брали Бастилию. Он ее брал!

– Обойдемся без «господ»! – Эминент протянул руку. – Республика и Разум, гражданин Шевалье! Или лучше – Огюст?

– Республика и Разум! – повторил Шевалье, сжимая ладонь, по-молодому крепкую и твердую. – Огюст – лучше. Знаете, все это так неожиданно. Похороны, наша встреча...

– Неожиданно?

Улыбка погасла. Заострились скулы, затвердел взгляд.

– Случайностей в мире нет. Они – проявление общих закономерностей. Смерть вашего друга тоже не была случайной. К сожалению, я смог приехать в Париж только вчера. Но куда смотрели остальные? Неужели вы не видели, что Эвариста Галуа пытаются убить?

Шевалье вздохнул. Именно об этом он думал, собираясь на похороны.

– Мы виноваты, я знаю. Исключение из школы, суд, тюрьма, покушения... Кому понадобилась смерть Галуа?! Я смотрел его последние работы. Никакой политики, чистая математика. Какому злодею помешал математик?

Пятнышко света скользнуло по руке. Огюст вздрогнул. Синий холодный огонь обжег, болью растекаясь по коже. За сырым камнем стен откликнулись беззаботные колокольчики: «Новенький-новенький-новенький!..»

Душу он свою принес
В нашу компанию, к Маржолен.
Душу он свою принес,
Гей, гей, от самой реки.

Огюст очнулся. Спасибо, колокольчики!

Кто ты, Эминент? Послание Галуа – откуда оно? Эварист отправил письма по почте, остальные бумаги забрал брат, не дожидаясь прихода полиции. Дурак же ты, Огюст Шевалье! Заслушался, распустил язык. Если швейцарец-великан Ури знает о допотопных чудовищах, то такому, как Эминент, легче легкого нащупать слабинку, сыграть на нужной струне. Республика и Разум... А потом – «оформить!».

Мерцал синий огонь. Злыми ударами пульсировала кровь в висках.

– Не надо владеть силой Калиостро, чтобы прочесть ваши мысли. О подлость! Вас не смогли запугать – и решили обмануть. Знаете, мне нечего ответить. Я мог бы рассказать о письме – как оно мне досталось. Мог бы... Не стану!

Тряпка-невидимка прошла по костистому лицу. Нет улыбки, только маска – холодная личина старца. Человека вне времени.

– Вы вправе поступать по собственному разумению. Считайте меня кем угодно, ваше дело. Единственное, что вам не позволено, – губить других. Галуа погиб и по вашей вине. Но тогда вы действительно *не знали*. Теперь же...

⁴ *Якобинец* – член радикального политического клуба во время Великой Французской революции, революционер. В переносном смысле – революционно мыслящий человек, вольнодумец.

Эминент отступил на шаг, глянул вверх, где сгущались клочья тьмы. Шевалье тоже поднял голову – и вдруг понял, где находится. Нельская башня – старая мельница в центре кладбища Монпарнас.

Как же он сразу не догадался!

– Теперь вы будете знать. Верить или нет – ваше дело.

Сильные пальцы сплелись, хрустнули. Вздернулся острый подбородок.

– Итак, Европа. Anno Domini 1832. Некто, умный и очень богатый, мечтает совершить то, что не удалось вашему императору. Идея стара, как Адам. Но тот, о ком я говорю, счел, что отыскал философский камень Власти. Наука! Современная наука – и новейшая техника. Это не так безумно, как может показаться. Бонапарт тоже начинал с малого. Будь у него эскадра паровых судов в броне, судьба мира была бы решена. Сейчас покорить мир проще. Этот человек собирает армию – не из солдат, из ученых. Его порох – открытия. Его снаряды – технологии...

– Этим занимаются все государства Европы, – пожал плечами Шевалье. – Даже наш Король-Гражданин.

– Вы еще не поняли. Короли строят новые паровые суда и отливают новые пушки. А этот человек создает новые металлы и находит новые источники энергии. Качественное превосходство! Борьба под землей, в небесах, в море, в эфире. Поэтому он пытается закрыть остальным доступ к наиболее важным открытиям. Знаете, что такое «корнер»?

Огюст знал. Скупка запасов товара, чтобы резко поднять цену. Монополия. Наш Бонапарт Второй хочет монополизировать научные открытия? Значит, Эварист... Он что-то открыл? Но ведь это не оружие, а высшая математика!

«Если снежинку повернуть вокруг оси...»

Снежинка завоевывает мир? Вспомнилось, что Бонапарт Первый был хорошим геометром. Его даже избрали в Институт, тогдашнюю Академию. Баллистика – расчет артиллерийского огня...

– Не забывайте, в каком веке мы живем! Я не знаю, что именно открыл ваш друг. Но едва он попытался обнародовать свое открытие, начались неприятности. И не только у него. Помните?

В прошлом году Галуа представил работу на конкурс в Академию. Статья была послана секретарю Академии – Жану Батисту Фурье. Именно его кузен-судья оправдал Огюста! Однако Фурье скоропостижно скончался.

Рукопись Галуа среди бумаг покойника не нашли.

– Фурье был блестящим математиком. Одним из немногих, кто понял бы суть открытия. Еще могла понять Софи Жермен, покровительница вашего друга. Но ей внезапно тоже пришлось умереть. Эта смертоносная случайность грозит всем, кто увидит бумаги Галуа.

«Обратись публично к Якоби и Гауссу...»

– Зачем же – всем? – Шевалье заставил себя усмехнуться. – Бумаги Галуа у меня. Их никто не найдет.

Стало легче. Стопка бумаг, портфель с медными замками... Хоть в чем-то повезло. Не найдут! А Огюст Шевалье промолчит. Даже если кликнут доброго доктора с пилой и суровыми нитками.

– Вам-то ничего не грозит, – с равнодушием, достойным камня, откликнулся человек вне времени. – Под ударом те, кто способен разобраться в наследии Галуа. Сегодня я намерен дать бой нашему Бонапарту. Но победа – дама коварная. Убийцы на свободе, они здесь, в Париже... Не спрашивайте меня, кто они. Не знаю. У меня, к сожалению, нет возможности проводить расследование.

– Зато у меня – есть! – выдохнул Шевалье.

Бумаги обожгут. Месяц-другой ничего не решают. Бумаги обожгут, а убийцы – нет!

– Я помогу вам, Эминент. Если в смерти Галуа виновен Бонапарт Второй – помогу и с ним.

Мерцал огонь. Недвижны были губы странного человека в дорожном сюртуке. Наконец прозвучало:

– Договорились. Не поминайте больше покойного корсиканца, мир его великой душе. Нашего врага зовут Эрстед. Андерс Сандэ Эрстед...

* * *

На кладбище Монпарнас царил покой. Вот и ворота. Заперты, но калитка открыта. В ворота Огюст бы и сам не пошел.

– Подождите, сэр, – прохрипело рядом. – Сейчас подъедет карета...

Кошмар по имени Бейтс вызвался проводить «гостя» до ворот. С Эминентом простились в «Нельской башне», с великаном Ури – на главной аллее. Швейцарец, уходя, хотел что-то сказать, но не решился.

– Пистолет отдайте.

В ответ – довольное ворчание. Господин Бейтс погладил изделие Гастинн-Ренетта, оскалil клыки.

– В другой раз, сэр! Кстати! – Зубы клацнули. – Должен вас предупредить. Нет-нет, не о вашем пистолете. Это безделица. Есть кое-что поважнее. Как вы относитесь к вампирам, сэр?

Огюст не удивился.

– Я их боюсь. Когда я учился в Нормальной школе, нас возили в Биссетр. Это больница для душевнобольных преступников, вроде вашего Бедлама. Там вампиров – целая палата. Некоторые пытались пить кровь. Другие – убивали. Безумие опасно, даже если человек воображает себя тем, кого не существует.

Англичанин кивнул.

– Согласен, сэр. Не волнуйтесь, с безумцами дела иметь не придется. Вот и карета. Удачи, сэр! Д-дверь, она вам очень понадобится!..

И Бейтс вновь огладил свой трофей.

Газовое освещение на левый берег не провели. В темноте подъехавший экипаж смотрелся катафалком. Дверца открылась сама – он не успел протянуть руку.

– Заходите, – раздался женский голос. – Скорее!

Акт I

Штурм Эльсинора

Гамлет. Но, положив руку на сердце, зачем вы в Эльсиноре?

Розенкранц. В гостях у вас, принц, больше ни за чем.

Гамлет. При моей бедности мала и моя благодарность. Но я благодарю вас. И, однако, даже этой благодарности слишком много для вас. За вами не посылали? Это ваше собственное побуждение? Ваш приезд доброволен? А? Пожалуйста, по совести. А? Ну как?

В. Шекспир, «Гамлет»

Так приятно сидеть здесь и чувствовать, что тебя могут взвесить, измерить, показать в увеличительном стекле, электризовать, поляризовать, черт знает что с тобой сделать, а каким образом – тебе неизвестно.

Чарльз Диккенс, «Торговый дом „Домби и Сын“

Сцена первая

Зюйд-ост-ост

1

Торбен Йене Торвен считал себя занудой.

Эта констатация доставляла ему искреннее, мало с чем сравнимое удовольствие. Порой он (в мыслях, конечно!) использовал не строчные – прописные буквы, дабы вволю полюбоваться результатом: Зануда. Великий Зануда. Звучит!.. Жаль, ни с кем не поделишься, не похвастаешь – нам бахвальство не к лицу. Как и многое другое, в частности, привычка напевать в рабочее время.

Дом академика Эрстеда, неременного секретаря Королевского научного общества Дании – не сцена Копенгагенского театра. Посему напевать приходилось вполголоса, и только изредка, при благоприятных обстоятельствах:

Ах, мой милый Андерсен,
Андерсен, Андерсен!
Ах, мой милый Андерсен,
Alles ist hin! ⁵

Пел гере Торвен, чуть скашивая уголок рта и морща нос. Зеркала в «караулке» отсутствовали, и он даже не подозревал о причудах мимики. Увы, во всем особняке почтенного академика не нашлось совестливого гоблина, который намекнул бы его помощнику: уважающие себя зануды так себя не ведут. Они работают молча, хмуря брови и надувая щеки. Петь же, равно как почесывать затылок безымянным пальцем, дозволено лишь поэтам и прочим драматургам, личностям по определению никчемным.

Гоблины помалкивали, а гере Торвен оставался доволен собой.

⁵ Все закончилось (досл. «Все уже здесь»; традиц. рус. вариант: «Все прошло»). (нем.)

Ах, мой милый Андерсен,
Андерсен, Андерсен!..

Письмо на бланке Королевской Обсерватории он уже прочел, причем дважды. Нет, не удержался – вновь пробежал глазами текст:

«На Ваш запрос... С 3 по 7 июня 1832 года в воздушном пространстве Копенгагена... Ветер – зюйд-ост-ост, устойчивый, с тенденцией к усилению, в том числе на интересующих Вас высотах... Вероятность прогноза...»

Письмо вернулось в конверт, конверт проглотила папка. Настал черед географической карты Европы. Линейка, тонкая и длинная, как спица, поерзав по пространствам Германского Союза, скользнула левее, переходя границу – и замерла, отыскав маленький кружок, обозначавший столицу Франции.

Другой конец линейки упирался в Копенгаген.
Зюйд-ост-ост...

Ach, du lieber Andersen,
Andersen, Andersen,
Ach, du lieber Andersen,
Все прошло, все!
Geld ist hin, Gut ist hin, alles hin, Andersen! ⁶

Кивнув с удовлетворением, он аккуратно сложил карту. Линейка спряталась в ящик стола. Гере Торвен боготворил порядок. Иначе и быть не могло – личностям, склонным к хаосу, нечего думать о службе у академика Эрстеда. Торвен являл пример всем, кто работал с секретарем Королевского общества. Вещи должны находиться на предписанных местах, не валяясь где попало.

Письмам место в папке, чернилам – в чернильнице. Линейке и заряженному пистолету – в выдвижном ящике.

Гоблины относились с пониманием. Шкодить не рисковали. Их отпугивала трость – тяжелая, с навершием из серебра, прислоненная к тумбе стола. Кроме главного назначения – пугать гоблинов, – трость помогала гере Торвену передвигаться. Левая нога, в отличие от линейки и пистолета, слушалась не всегда.

Он не жаловался. Трость удачно дополняла облик Зануды: сюртук с длинными фалдами, темная рубашка, шляпа с узкими полями. Черная креповая повязка на рукаве. Так и должен выглядеть коренной уроженец Копенгагена, солидный, в летах – не какой-нибудь бесшабашный бурш или, того хуже, поэт.

Ах, мой милый Андерсен,
Андерсен, Андерсен!..

На девственно чистый стол легла газетная бандероль. Тонкие длинные пальцы вскрыли обертку, развернули, расправили шелестящие страницы. «Прекюрсер», Лион, 4 июня. Заголовок, передовица, столбцы новостей...

Вот!

«Париж, 1 июня. Вчера злосчастная дуэль отняла у науки юношу, подававшего самые блестящие надежды. Увы, его преждевременная известность связана только с политикой. Молодой

⁶ Деньги закончились, имущество закончилось, все закончилось... (нем.)

Эварист Галуа дрался на дуэли с одним из своих друзей. Есть сведения, что дуэль была вызвана какой-то любовной историей. Противники избрали в качестве оружия пистолеты. Стреляли в упор, но из двух пистолетов заряженным был только один. Пуля ранила Галуа навывлет. Его перенесли в больницу...»

Пальцы сжались в кулак.

– *Rassa do!* ⁷ *Rassa!*..

Кулак молнией упал на столешницу – и замер на волос от зеленой ткани. Любопытный гоблин, выглядывавший из пыльного камина, удрал в дымоход. Слышать такое от Зануды приходилось нечасто. А уж видеть...

Кулак разжался. Торвен сложил и спрятал газету. Из нижней папки выскользнули листы белой бумаги с золотым обрезом. Перо нырнуло в массивную бронзовую чернильницу.

– *Alles ist hin!*

«Эварист Галуа. Умер в десять часов утра 31 мая 1832 года в Париже, в больнице Кошен».

2

Утром в доме академика Эрстеда царила тишина.

Гости и посетители приходили ближе к вечеру. Время до полудня считалось священным. Гере Эрстед работал в кабинете или лаборатории, если не отправлялся на службу, в Политехнический институт. Зато гере Торвен бессменно пребывал на посту. Место, которое он именовал «караулкой», располагалось очень удачно – на широкой лестничной площадке между первым и вторым этажами. В давние годы здесь была каморка для прислуги – тесная и неудобная, но, как выяснилось, вполне подходящая для Зануды.

Восседаая на стуле с высокой «готической» спинкой, он слышал все, что происходит не только на лестнице, но и у входных дверей. Наглые визитеры, посмевавшие нарушить утренний покой дома, чудом миновав привратника и проскользнув мимо его глазастого внука, Карен-Непоседы, неизменно удаивались встречи с гере Торвеном – хмурым и решительным.

Времени как раз хватало, чтобы услышать звонок колокольчика у крыльца, встать, взять трость – и шагнуть навстречу. Пистолет довелось пустить в ход лишь однажды.

Вот снова – колокольчик...

Торвен вздернул светлые брови, прислушался к быстрым шагам.

Ах, мой милый Андерсен,
Alles ist gut! ⁸

Бумага, лежавшая на столе, юркнула в папку. Гоблин в камине с завистью вздохнул. Зануды не допускают посторонних к служебным документам. Дружба дружбой... Кроме того, Торбен Йене Торвен не позволял себе прятать бумаги в присутствии гостей, считая сие крайне невежливым.

– Гере Торвен! Знаете, что мне пришло в голову?..

В дверь заглянул Длинный Нос. Подался назад, вновь появился, теперь уже *in согрога*. Счастливый владелец носа и сам был долговяз – не великан, а дылда. Иных сравнивают со складным метром. А случается, метр – нескладной. Худ, узкоплеч, волосы торчком...

– Обязательно расскажу гере Эрстеду! Но сначала вам, гере Торвен... Добрый день!

⁷ Русский тебя побери! (датское ругательство времен Наполеоновских войн).

⁸ Все хорошо! (*нем.*)

– Добрый день, гере Андерсен! Отчего бы вам не присесть?

Длинный Нос махнул костлявой рукой.

– Не стоит! Я... Каждое живое существо – это двигатель, настроенный на работу Вселенной. Нет созвездия или туманности, солнца или планеты, которые бы не ощущали контроля над своей судьбой. Не в расплывчатом астрологическом смысле, а в прямом и положительном смысле физики...

– Сами придумали? – поинтересовался Торвен.

– Да! Только что, у дверей. Слушайте! Во всем мире не существует объекта, наделенного жизнью, – от человека, покоряющего стихии, до муравья, нашедшего соломинку, – который не колеблется в такт движению Вселенной. Единый ритм... Понимаете?

Торвен задумался, склонил голову набок. Уверенно кивнул:

– Нет!

– Ну как же? Это очень просто...

– С полной определенностью могу сообщить вам, гере Андерсен: не понимаю. Я далек не только от поэзии, но и от всякой философии. Однако вижу, что чтение статьи гере Эрстеда о перемещении по проводу электрической жидкости пошло вам на пользу.

– А говорите, не понимаете. Всегда вы так!..

Длинный Нос достал из-под мышки большую, обтянутую тканью папку.

– Статья! Отредактировал, надеюсь, удачно. Держался подальше от поэзии... и всякой философии. Убрал лишние «что» и разнообразил глаголы. Вот!

Папка легла на зеленое сукно.

– Рад за вас. Покажем гере академику – и отошлем в редакцию. Пусть некоторые, с позволения сказать, коллеги скрипят вставными челюстями по поводу «красот стиля». Научные статьи должны читаться! Что толку в мудрости, если ее никто не поймет? Я вам рассказывал про одного профессора, коего я имел счастье слушать в Университете? Ученый муж травил «красоты стиля» серной кислотой и призывал учиться у налоговых инспекторов. Они-де излагают предмет ясно и конкретно!

Торвен встал, засунул руки в карманы, сморщил нос и даже изобразил некое подобие глумливой усмешки.

– По младости лет я, грешным делом, задумывался о пользе серной кислоты для вытравливания идиотизма. Идея не прошла – всей промышленной мощи Европы не хватит для одной маленькой Дании... Ханс, вы не у полицейского пристава. Не стойте столбом, садитесь!

Гость подчинился.

– Гере Эрстед хочет заказать вам статью о телеграфической связи. В последние годы, если помните, появились интересные разработки Ампера, Фехнера – и особенно барона Пауля Шиллинга. А наши святоши заявили, что телеграф окончательно погубит нравственность. Решили, поди, что им станут присылать девиц из Парижа по проводам. Кислоты бы!.. Однако, гере Андерсен, почему я не слышу доклада о ваших успехах? Надеюсь, не опоздали на встречу с обер-камергером Гаухом?

Длинный Нос качнулся на стуле, вызвав жалобный скрип.

– Лучше я сказку напишу, дядя Торбен. «Поэт и камергер». Сюжет стар, как мир. Нищий поэт приходит к важному и толстому вельможе, дабы попросить место библиотекаря. Вельможа ненавидит поэзию. Но прямо отказать не может – поэт хоть и беден, однако известен...

Торвен слушал молча. Смотрел не на гостя – в окно. Исчезла усмешка, затвердели скулы; пальцы дрогнули, сжимаясь в кулак.

– ...вельможа сладко улыбается, разводит руками и говорит то-о-о-оненьким голоском: «Ах, дорогой наш Ханс Христиан Андерсен! Не заставляйте меня совершать преступление перед Музами! Вы слишком талантливы для такой тривиальной должности, как библиотекарь!..»

– Это он, положим, зря. Я вам обещаю, Ханс... У сказки будет иной финал.

– Конечно! Придут благородные разбойники, разложат костер, поджарят обер-камергеру пятки и заставят петь «Марсельезу». Тот хрипит, визжит, пускает петуха – и наконец подписывает распоряжение о зачислении бедного поэта на службу. Стоит ли, дядя Торбен? Ну, какой из меня библиотекарь? Я лучше открою кукольный театр. Я еще в школе, в Одессе...

– Гармонику не хотите? – съязвил «дядя Торбен». – Как у савойяра? Купим вам обезьянку и попугая – билетика Счастья вытаскивать...

Ханс расхохотался.

– Точно! «А превалит тебе щастя, залатой-серебряный!» Гармоника устарела, теперь с шарманкой ходят. Песня есть немецкая – «Шарманте Катарина». Помните?

Прелестной Катарине фиалки я принес,
Она ж мне изменила до самых горьких слез.
Пойду на речку Везер, там брошусь в омут я.
О, злая Катарина, сгубила ты меня!

Отсмеявшись, поэт дернул себя за кончик безразмерного носа.

– В Италии есть кукла – buratino. Вроде как pet– rushka у русских. Сошью балахон и склею бумажный колпак. Нос – в наличии. Пойду по дворам...

– Все шутите?

– Нет, не шучу. Давно хотел уехать. Я – патриот, я люблю нашего старого доброго короля... Но, ей-ей, прогнило что-то в Датском королевстве! Мысль, конечно, не новая...

– Надеюсь, вы имеете в виду исключительно климат.

Торвен снял верхнюю папку, отложил в сторону, передвинул чернильницу. Ладонь ударила о зеленое сукно.

– Гере Эрстеда беспокоить не станем. Схожу-ка я прямо к королю. Счастье Дании, что она – маленькая. Его Величество Фредерик VI порой снисходит до бесед с верноподданными. Вы правы, Ханс. Вам стоит на год-другой уехать, поглядеть мир. Уверен, король раскошелится на стипендию. Он в некотором роде – мой должник.

– Стоит ли, дядя Торбен?

Ханс указал на бронзовую чернильницу.

– И про нее можно написать сказку. Представляете, сколько она видела? Ее чернилами писали любовные письма – и подписывали приговоры. Однажды ей захотелось сочинять самой. Но все, кто был рядом, подняли старушку на смех. Не думаю, правда, что такое станут читать. Чернильница – не Нельская башня... Дядя Торбен! Не ходите к королю. Все мы любим Фредерика, особенно когда он трезв. Но Его Величеству сейчас не до мелких забот. Он изволит враждовать с собственным кузеном, с либералами, репортерами, гренландцами, фаррерцами... Казна пуста – Дании уже перестали давать в долг. Да, он помнит вас, вы воевали за Данию...

– Не в этом дело, Ханс, – тихо возразил Торвен. – Воевал, как все. Нет, хуже. Мои сверстники ходили в штыковые, а я после первой царапины отсиживался в Главной квартире. Адъютантишка...

– Во *вражеской* Главной квартире, – уточнил поэт. – Думаете, не знаю? Не ходите! Его Величество редко отдает долги. Обойдусь! Куплю дорожные башмаки на двойной подошве, веревку попрочнее... Нет-нет, я ни на что не намекаю. Просто без веревки не могу – пожара боюсь. Представляете, в гостинице пожар, а я – на втором этаже?

– Представляю...

Ханс любовался вдохновившей его чернильницей. И не заметил, как исказилось лицо собеседника.

– Вполне представляю. Пожар, страшный Белый Троль...

Отличавшийся прекрасным слухом поэт решил, что ему почудилось. С какой стати дяде Торбену поминать троллей? Хотел переспросить – и не успел.

– Ага, вы уже здесь! Прекрасно, прекрасно!

Шагов на лестнице они не услышали. Поэту рассеянность простительна, а вот Торвен впервые допустил подобную оплошность. Кажется, беседа его излишне увлекла.

– Пре-крас-но! – повторил академик Эрстед, чудом «вписываясь» в тесную «караулку». – Вы оба мне очень нужны. Андерсена забираю немедленно...

Халат нараспашку, ночной колпак – набекрень, на шее – мокрое полотенце. Случайный гость, попади он в дом академика, решил бы, что столп науки изволил мирно почивать до полудня. Но поэт и помощник рассудили иначе. Гере Эрстед, как это часто случалось, встал среди ночи, в домашних тапочках прошел в лабораторию – и очень поздно вспомнил про часы.

Побриться все-таки успел. Розовые, несмотря на возраст, щеки были вызывающе гладкими. Возле левого уха белел клочок мыльной пены.

– Что у нас нового, Торвен?

Великий Зануда взял в руки папку, где лежал лист с именем Эвариста Галуа. Взглянул на поэта – и вернул папку на место.

– Новости исключительно о погоде, гере Эрстед. Зюйд-ост-ост.

3

Оставшись один, он не спешил возвращаться к работе. Встал у подоконника, тяжело опираясь на трость, долго смотрел сквозь двойные стекла. Молчал. Наконец, собравшись с силами, вернулся за стол.

Лег на сукно чистый лист бумаги. Перо скользнуло в заскучавшую чернильницу. Оно привыкло выводить ровные, каллиграфически четкие буквы – слово за словом, фразу за фразой. Но вышло иначе. Резкое движение пальцев – и на бумаге появилась неровная черта.

Перо не стало спорить. Хозяину виднее.

Еще черта. Круг. Полукруг. Волнистая линия. Прямая... Бессмысленные, неясные вначале, фигуры мало-помалу складывались в рисунок. Громоздкое тулово с круглой башкой-личиной. Толстый хобот задран вверх. Руки-клешни расставлены, словно монстр готовится сцапать добычу. Перо заторопилось – у монстра объявились щеки-волдыри и глазоблюдца. Мелкая штриховка на блюдцах...

Выражение? Цвет?

Ах, мой милый Андерсен,
Андерсен, Андерсен!..

Из бокового ящика выглянул стальной поднос. Хозяин кивнул, поднос исполнился гордости и нагло занял центр стола. В руках гере Торвена возникло огниво.

– Веревка, говоришь? Ладно, Ханс. Пусть будет веревка!

Ни в чем не повинный рисунок замер в страшном ожидании. Еле слышный треск огня. Бумага корчилась, чернела, гнила. Обитатели стола, вещи мирные и спокойные, с тревогой переглядывались.

Торвен смотрел в пламя. Покончив с рисунком, язычки огня вопреки законам физики не думали гаснуть. Они росли, крепили, поднимаясь над столом, заполняя комнату...

– Geld ist hin, Gut ist hin, alles hin!

Зануда исчез. Маленький мальчик сидел на стуле, вжав голову в худые плечи. Огонь дышал в лицо, шевелил светлые волосы...

* * *

...Бежать? – поздно и некуда.

Огонь уже здесь. Огонь пришел за ним. Он забрал маму, взял братика Бьярне и сестричку Маргарет. Забрал и дом – уютный двухэтажный дом на тихой улочке возле Ратуши. Огонь царил всюду – возле окон, у почерневшей двери. Плыл по стенам, жадно слизывая новые шелковые обои, мамину гордость. Сожрал стулья и стол, книжный шкаф и сундук в углу. Сейчас пламя съест малыша Торбена.

И пусть! Все кончится – жара, страх, боль...

– *How are you, my little baby?*⁹

Огонь говорил по-английски. Торбен не удивился. Огонь – англичанин. Его зовут Джеймс Гамбьер, он – адмирал британского флота. Сначала огонь, не объявляя войны, подкрался к Копенгагену, блокировал гавань...

Торбен был не таким уж маленьким, постарше братика Бьярне, который только и способен, что плакать и прятаться за мамину спину. Едва огонь прикоснулся к городу, он обстоятельно, как взрослый, поговорил с отцом. Торбен Йене-старший достал из шкафа толстую книгу, где художник нарисовал много пушек, и пояснил, почему им не стоит уезжать. В худшем случае пострадает порт – как шесть лет назад, когда город обстреливал другой англичанин, адмирал по фамилии Нельсон. Их же дом находится в центре, значит, бояться не надо.

Корабельные пушки сюда не добьют. А если они уедут, в их уютный домик обязательно придут страшные и жадные «мародеры».

Согласившись с отцом, Торбен сердился на маму – та плакала, не желая отпускать папу в порт, где все гремело и взрывалось. Королевский судья Торбен Йене Торвен спешил по призыву принца-регента в добровольный отряд по тушению пожаров.

Отец ушел утром. Огонь по фамилии Гамбьер забрал его одним из первых. Об этом семье успели сообщить прежде, чем огонь, устав играть с наивными жертвами, кликнул своего ужасного слугу – Уильяма Конгрева, демона-Ракету.

– *My baby! My sweet baby!*..¹⁰

Огонь ласково погладил малыша по волосам. Мальчик не выдержал, зажмурился, вновь став Занудой. Несколько раз Торвен порывался спросить своего давнего знакомого Фредерика VI: о чем тот, бравый вояка и опытный политик, думал в августе 1807-го, когда британские ракеты обрушили смерть на беззащитный Копенгаген? Наивный XVIII век с красотами войн-парадов и равнением на косу впереди идущего кончился. Англичане, поклонники Бога-Прогресса, дважды применяли ракеты Конгрева против мирных городов.

За год до гибели Копенгагена пострадала французская Булонь.

О новом оружии разведка доложила вовремя – как и о намерениях адмирала Гамбьера. Почему принц-регент не приказал жителям уходить, бежать, спастись? Не капитулировал, в конце концов? Война бы закончилась поражением, но люди бы уцелели!

Нет, Зануда ни о чем не стал спрашивать короля Фредерика. Знал – Его Величеству нечего сказать. Отвечать королям придется не в нашем мире.

...Огонь медлил.

⁹ Как поживаешь, моя крошка? (англ.)

¹⁰ Мое дитя! Мое милое дитя! (англ.)

Город и так в полной его власти, с домами и улицами, Ратушей и королевским замком. Никуда не уйдет и этот забившийся в угол щенок, у которого не осталось сил даже на скулеж. Самое время ласково щелкнуть дурачка по носу. Огню нечего бояться. Ветер-Воздух – первый друг и помощник. Вода, давний враг, опасна лишь поначалу. Войдя в полную силу, Огонь превратит ее в пар, пустив белым дымом в вечернее небо.

Огонь забыл о Камне.

Может, и не знал о нем. Просвещенный британец не интересовался суевериями жертв. Какое отношение имеют сказки о троллях, детях Тверди-Земли, к искусству современной войны? На что способна нелепая, смешная нежить, когда зажигательная ракета попадает в дом? Сейчас первенец XIX века закончит нетрудную работенку...

Дверь рухнула.

Мальчик сперва ничего не понял. Заметил лишь, как вздрогнули языки пламени – засуетились, скрутились винтом. Чутье подсказало: что-то случилось. Вы здесь не одни – ты и Огонь. Горящий паркет охнул от тяжести – и Торбен, изумлен, открыл пересохший, почерневший от жара рот.

В комнату входил Троль – белый сын Камня. Плоть от плоти, твердь от тверди. Могучие квадратные плечи без труда отодвигали стену Огня. Круглые красные глаза горели гневом. Мощно ступали ноги-столбы. Троль был страшен – мохнатый хобот загибался вверх, уходя к затылку, щеки вздувались, как у трубача. На спине чернел горб – огромный, уродливый.

Подземный Ужас, древний страж порядка, потревоженный наглыми забородами...

Огонь-Гамбьер дрогнул. Бессильное, пламя опадало с каменной шкуры. Ступни-копыта попирали горящее дерево. Плошки глаз устали на Торбена, из-под жуткой личины донесся конский храп. Малыш собрал уходящие силы и поднял руку.

Живой! Дядя Троль, я еще живой!..

Тьма упала с потолка, затянутого дымом. Но мальчик успел почувствовать крепость лап, обхвативших его плечи.

– В доме есть живые?!

– Нет, гере Эрстед. Папа погиб утром. Мама и остальные... Нет, живых больше нет.

Он отвечал, не открывая глаз. Все и так понятно: их сосед, экстраординарный профессор физики и химии, интересуется – что случилось. Наверняка сочувствует: с отцом они знакомы, молодой ученый не раз бывал у Торвенов в гостях. Хвалил мамино варенье, играл с братцем Бьярне...

Гере Эрстеда ставили малышу в пример. Учись, сынок! Погляди, соседу и тридцати нет, а его сам принц-регент знает, что ни день в Амалиенбург зовет – о важных делах потолковать. Ему пишут письма из далеких стран... Обычно такие наставления не идут впрок. Но Торбен любил общительного, веселого профессора. Еще бы! Тот рассказывал о дивных вещах, водил в лабораторию, где все шипело, гудело и меняло цвет. А на прошлую Пасху запустил в небо настоящую ракету...

Ракета! В дом попала ракета!

– Гере... – мальчик застонал. – Дядя Эрстед!..

Навалилась боль, горло зашло хрипом. Ни радости, что жив, ни горя, что – жив он один. Картина, словно из королевской пинакотеки: ночь, красная от огня, заботливое лицо соседа, ребенок на теплых булыжниках мостовой. На дяде Эрстеде – плащ из белой асбестовой ткани. Маска с круглыми глазами-плошками снята; отставлен прочь и черный баллон с воздухом. Сброшены громоздкие перчатки. Профессор все это сам изготовил. В лаборатории то и дело что-то взрывалось, горело...

В прошлом месяце гере Эрстед по просьбе гостей напялил на себя каменные доспехи, сразу став похожим на Белого Троля.

– Не плачь, Торбен!

Мальчик хотел ответить, что не плачет, он уже взрослый...

– Эрстед, это вы?! Что с домом Торвенов? Судья жив?

Лицо дяди Эрстеда исчезло. Над мальчиком склонился тощий офицер в красном, испачканном сажей мундире. Синяя орденская лента – бесценный муар – набухла от мокрой грязи. Лыдинки под белыми бровями. Длинный породистый нос. Съехал на сторону парик.

– Кто это? Мальчик из ваших?

Торвен обиделся – не признали. А ведь отец видел офицера, считай, каждый день. И мама его знала, он крестил брата Бьярне...

Профессор тихо ответил. Щеки офицера побелели.

– Святой Кнуд и святая Агнесса! Копенгаген погиб, Эрстед. Порт, дворец, старые кварталы. Мы почти никого не спасли. Никого...

– Спасайте Данию, государь!..

Голоса становились тише, уходили во мрак, в зыбкую даль Прошлого. Патина скрывала лица, превращая картину в гравюру, гравюру – в росчерки свинцового карандаша...

– Я – твой должник, Торбен Йене Торвен. Запомни это!

* * *

Ладонь с силой прошла по лицу, гоня призраков. Взгляд скользнул по стене, зацепившись за литографированный портрет в рамке из дерева. На постаревшем офицере – муаровая лента. Прибавилось орденов и морщин на лице. Исчез парик, волосы отступили назад. Заострился фамильный нос – гордость рода Ольденбургов. Бывший принц-регент, ныне – Его Величество, король датский Фредерик VI.

Долги надо отдавать, государь!

Ach, du lieber Friedrich,
Gerr Friedrich, gerr Friedrich,
Ach, du lieber Friedrich,
Все прошло, все!

Он встал. Трость уперлась в паркет, потемневший от времени. Предательница-нога подвернулась – пришлось хвататься за стол. Входная дверь! Шаги на лестнице. Ближе, ближе...

– Гере Торвен!

В дверях – веселая рожица. Каре Квист, внук привратника.

– Вы велели сообщать, ежели чего...

Великий Зануда глядел на парнишку не без суровости. Велел сообщать, а не орать во всю глотку, демонстрируя отсутствие переднего зуба. А где «добрый день» – или хотя бы «здрасте»?

Каре откашлялся, пригладил встрепанную шевелюру:

– Сообщаю! Пупырь по Старухе врезал. Бух!

Такое следовало обдумать. Гере Торвен постучал пальцами по зеленому сукну, словно играя на клавикордах.

– Пупырь? Может быть, все же «пузырь»?

– Скажете еще! – Каре присвистнул от возмущения. – Я что, пупырь от пузыря не отличу? Пузырь – он, стало быть, система братьев Монгольфье, с дымным воздухом. На таких дамочки летают по воскресеньям. А это – пупырь, с водородом. Вы его шарльером зовете. Вот он по Старухе и...

– Повторите сообщение по-датски, гере Квист.

Пальцы нажали тайный рычажок на боковой тумбе стола. Обычно академики вызывают помощников. Но случается и наоборот.

– Пятнадцать минут назад воздушный шар системы «шарльер» попытался сесть на главной площади. Не смог и врезался в Ста... в здание Ратуши. Бух! Бах! В корзине было трое. Вроде никто не побился. Толпа гудит...

Вновь хлопнула дверь – наверху. Шаги – тяжкие, основательные, а следом другие – легкой припрыжкой. Гере академик и Ханс Длинный Нос... Великий Зануда обождал, пока мальчишка отскочит в сторону, пропуская хозяина.

И, торжествуя, улыбнулся.

– Зюйд-ост-ост, гере Эрстед! Они прилетели!..

Сцена вторая Возвращение блудного брата

1

В доме воцарилась тишина. Она была живой, дышащей: шепот старых часов, скрип половиц, сопение гоблина, которому наконец-то дали отдохнуть. Сквозь окна вором-взломщиком лез уличный шум, но тишина стояла на страже, храня покой почтенного особняка. Тихо-тихо, тихо-тихо...

Тик-так, тик-так...

Гере Торвен любил тишину. Спросите его о причине, и Великий Зануда сошлется на необходимость работать. Но в глубине души он знал: тишина прекрасна сама по себе. Ее гулкие чертоги населены любыми звуками, голосами, песнями. Да, он – не поэт. Не Ханс Длинный Нос, с которым они столкнулись – нос к носу – у Королевского театра, откуда скромного паренька из Оденса вышибли за бездарность. Торбен Йене Торвен – юрист без практики. Ему не выдумать сказку про Матушку Тишину. Ну и пусть! Тишину можно просто слушать.

Тик-так, тихо-тихо...

Гоблин, мирно дремлющий в пустом камине, с одобрением кивнул. Он держался сходных мыслей.

От Конгенс Нюторв, где расположился особняк Эрстеда, до Ратушной площади идти всего-ничего, даже без особой спешки. Но это если двумя ногами и без трости. Гере Торвен с радостью подчинился желанию патрона, оставшись в «караулке». Главное он уже знал: ветер, предсказанный Королевской обсерваторией, доставил шарльер-«пупырь» по назначению – прямиком в центр Копенгагена. Все пассажиры живы-здоровы. Уцелела даже Старуха-Ратуша. Все прочее он скоро узнает, причем с доставкой на дом.

Чего еще желать?

Взгляд снова коснулся литографии на стене. Офицер глядел хмуро. Хуже – был взбешен.

– ...Нам не о чем говорить с этим человеком. Да! Десять тысяч дьяволов! Мы будем говорить с вами, отставной лейтенант Торвен. Перескажите ему нашу волю, слово в слово, как слышите. Хвала Святому Кнуду, Дания управлялась и управляется волей монарха, а не, прости Господи, парламентом. Зачем вам сотня тиранов на ваши глупые головы? Неужели мало одного? Посему мы, король Дании и Норве...

Резкий каркающий голос. Отмашка стеком.

– Торвен, оставьте иронию. Мы и сами знаем, что Норвегию у нас отняли! Мы, король милостию Божией, повелеваем этому человеку убираться прочь из страны. Да! Вместе со своим конституционным проектом. Пусть едет туда, где много депутатов, либералишек и продажных газетенок. А мы тут поскучаем при абсолютизме. Не смотрите на нас так! Мы – не варварский владыка и не Комитет Общественного Спасения. В милости нашей мы разрешаем этому человеку навещать родичей. Но не слишком часто! И пусть не попадаете нам на глаза!..

Портрет гневался. Изгнанник без спроса вернулся в Копенгаген, да еще и таранил Ратушу – символ добрых традиций. Ее давно собирались перестроить, но это не повод для тарана. Толпа, воздушный шар, репортеры из продажных газетенок...

Скандал!

– Мы в нашей Дании не любим скандалов, отставной лейтенант Торвен. Да!

Гере Торвен почтительно склонил голову. Кто бы спорил, ваше величество? Но гравюра не может повелевать, как бы ей ни хотелось. Сам же столп абсолютизма, если продажные газе-

тенки не врут, ныне пребывает на борту фрегата «Гельголанд» посреди Северного моря. Счастливого пути, государь! Пока вернетесь, пока вам доложат, глядишь, шум утихнет, и гневаться станет не на кого.

Офицер фыркнул и отвернулся.

Настал черед папок. Одна из них дохнула пылью: «Юридическая контора „Эрстед и фон Эрстет“. Пылись дальше! Незавершенные дела? – обождут. Подумаешь, контора. Церковь в центре Копенгагена уже целый век строят...

И что, рухнул мир?

Вторую папку недавно открывали. Верхний лист – чужое перо, дивные старинные завитушки: «Alumium». Ниже, скорописью: «Aluminium». И, наконец, красивым почерком Великого Зануды:

АЛЮМИНИУМ

Пальцы перебирали страницы. «...Вашего Превосходительства покорный слуга Фридрих Велер...» Почерком академика: «Отвечено, 5 января 1828 года». А это откуда? «...Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, тщаь исследовать различные вещества и минералы, в том числе квасцы, посчитал, что они есть не что иное, как соль некоторой квасцовой земли...»

Экая древность!

Папка скользнула к краю стола. Фон Гогенгейм, известный также как Парацельс, нам сейчас не помощник. Следующая... Папка-могила, поглотившая листок с фамилией убитого в Париже Галуа, казалась тяжелой, словно вылитой из свинца. Открыть? Нет, не сейчас.

Сначала – эта!

Первый лист – пять букв:

ФИЛОН

Имя? Фамилия? Кличка? Нет ответа. Зато есть портрет – роскошная цветная гравюра. Вверху – беглая надпись, кудрявая, с жеманными завитушками. «Моему любимому ученику! Запомните меня таким, дорогой Андерс...»

Торвен видел портрет много раз.

...тонкие губы. Длинный нос (*опять?!),* впалые щеки. Большие, как лопухи, уши оттопырены, кожа младенчески гладкая. Ни морщинки, ни родинки. Редкие светлые волосы зачесаны назад.

«Запомните меня таким...»

Мундир дорогого красного сукна. Погоны-эполеты, на каждом – поднял копыта белый конь. Орден – эмалевый крест; поверх него – золотая корона. Узорный синий бант похож на листок клевера.

«Запомните...»

Появись здесь Огюст Шевалье – то-то обрадовался бы, узнав дражайшего Эминента, человека-вне-времени. Но от Парижа до Копенгагена – далекоовато. Да и места в «караулке» не хватит – для непрощенных гостей.

«Безвременно... Мая 6-го числа, Anno Domini 1796... на сорок пятом году жизни... писатель и педагог, известный моралист, чьи книги знакомы каждому образованному человеку...» Газетная вырезка. Был и портрет, однако ножницы вырезали его, не пустив в Вечность.

Письма – тоненькая пачка. Конвертов нет, и подписаны не все. Но почерк знаком – кудрявый, с завитушками.

«...Я видел Будущее. На моих глазах гибли несметные толпы людей. Живые завидовали мертвым. Завеса отдернута, друг мой. У Истины кровавые зрачки. За ними – черная бездна. Я ехал в Париж, желая узреть цель всех наших трудов, и она мне открылась. Прежде, когда мы разошлись с Вейсгауптом, я лишь чувствовал; теперь – увидел. Вам не кажется, что наш долгий спор закончен?

Да, и не зовите меня больше Филоном. Филон умер, увидев конец мира. Теперь он – прошлое. Вы спросите, дорогой мой Андерс: как же меня теперь звать? Я и сам долго думал, прежде чем остановился на Эминенте. Нескромно, зато правда. Так что Филон умер, да здравствует Эминент!»

Читать письма мертвого человека – приятного мало.

«...наш милейший Торвен станет Королевским судьей. Вы недовольны, Андерс? Хотите, чтобы он стал якобинцем? Исполнение законов, пусть несправедливых, лучше кровавой смуты. Передайте господину Торвену мои поздравления, – мертвец в красном мундире улыбнулся Зануде. – Ему и его прекрасной невесте. Пожелайте им от меня – пусть родится сын...»

Сын родился, подумал Зануда. Это я. Мой отец и впрямь стал судьей. Его прекрасная невеста сделалась чудесной женой и матерью. Филон-Эминент в письме верно предрек судьбу чете Торвенов. Он лишь забыл сказать, что оба погибнут в горящем Копенгагене 1807-го. Что ж, из глубин прошлого видны не все коллизии будущего.

Зато сын еще жив, несмотря ни на что.

Последним в папке скрывался листок со стихами.

Ткачи, негодяи, готовят восстание,
О помощи просят. Пред каждым крыльцом
Повесить у фабрик их всех в назиданье!
Ошибку исправить – и дело с концом.

В нужде, негодяи, сидят без полушки.
И пес, голодая, на кражу пойдет.
Их вздернув за то, что сломали катушки,
Правительство деньги и хлеб сбережет.

Ребенка скорее создать, чем машину,
Чулки – драгоценнее жизни людской.
И виселиц ряд оживляет картину,
Свободы расцвет знаменуя собой.

Автора знала вся Европа. Но тот, кто не поленился переписать стихи о разрушителях машин, проставил внизу: «Лорд Джордж Гордон Френсис Байрон, 1812 год». Далее, мелким бисером: «Своевременная смерть Вильяма Ли и прочих создателей станков спасла бы тысячи и тысячи жизней. Не так ли, мой Андерс?»

Темная обложка легла на пачку бумаг могильной плитой. Хлопотунья-чернильница глубже надвинула шляпку-крышечку. Перья замерли по стойке «смирно». Зануда нащупал рукоять трости, шагнул к двери.

В свои тридцать семь он порой чувствовал себя стариком.

2

Репетиций не проводили, но представление прошло без сучка, без задоринки. Важный привратник, старый Клаус Квист, исполненный накопленного за годы службы достоинства, распахнул входные двери. И в проем вбежал – влетел! – его быстроногий внук.

– А вот и мы!

Спектакль был затеян исключительно для гере Торвена – единственного зрителя. Он не возражал. Нечасто в особняк на Конгенс Нюторв приходят *такие* гости.

– Его превосходительство... Секретарь Королевского научного общества...

Непоседа орал, надрываясь. Зануда еле сдержал смех. Дед придерживает дверь – значит, хватать внука за ухо некому. Пользуется моментом, паршивец.

– ...профессор и академик...

Месяц назад Каре Квиста-младшего взяли во дворец – упросил-таки. В Амалиенборге он и насмотрелся на церемонии. Увиденное не прошло даром.

– ...Ханс Христиан Эрстед!

Гере Эрстед вошел без всякой парадности, глядя под ноги. Увидев наконец Торвена, развел руками. Видишь, мол, как все обернулось? Что теперь делать?

Зануда усмехнулся: «Разберемся, дядя Эрстед!»

Вторым в дверь заскочил Длинный Нос. Самозванец-церемониймейстер встретил его не без скепсиса, но соизволил отрекомендовать:

– Ханс Христиан Андерсен, поэт при Его Превосходительстве!

Окажись Торвен на месте полного тезки своего патрона, кручением ушей не обошлось бы. Врезал бы негоднику по шее – шути аккуратнее!

Длинный Нос подмигнул мальчишке. «Надо заказать Андерсену статью, – отметил Торвен. – О прилете „пупыря“ в славный город Копенгаген. Не ради суетной славы, а потому что иные непременно напишут, с подробностями».

Отмалчиваться нельзя.

– Высокоученый и высокообразованный брат Его Превосходительства! Юриспруденции доктор и прочих наук знаток...

Великий Зануда почувствовал необоримое желание отбросить к черту надоевшую трость, расправить плечи и вздернуть подбородок. Руки вдоль бедер, ноги на ширине плеч...

– ...Андерс Сандэ Эрстед с сопровождающими!

«Юнкер Торвен, смир-р-но!!!»

Андерс Эрстед, в отличие от старшего брата, никуда не спешил. Перешагнул порог, иронически улыбаясь, глянул налево, направо, вверх...

«Здравия желаю, полковник!» – шевельнул губами юнкер Торвен. Орать не стал – не внук привратника, слава богу. Командира приветствуют с дистанции в три метра.

...шагнул к мраморным ступеням, ведущим на второй этаж. Остановился, через плечо посмотрел назад. Что такое? Ну конечно, «сопровождающие». В дверь сами войти не могут, что ли?

Юнкер ел глазами командира. Два года не виделись, шутка ли! Лицо прежнее, морщин не прибавилось. Та же статья, те же плечи вразлет. «Не кукситься, юнкер Торвен!» А губы – иные. Уголки опустились вниз, обозначив резкие складки. И глаза иначе смотрят. Два года...

Постарел? Нет.

А еще – левая рука. На перевязи, в гипсе, только кончики пальцев торчат. Ого! Старуха-Ратуша кости помяла?

– Привет, старина! Не вздумай спускаться – я иду!..

Трость Зануда все-таки отбросил. Постарался тайком, да не вышло. Обиженная спутница жизни, очутившись на холодном мраморе, на весь дом зазвенела о такой несправедливости. Выручаешь человека, а он!.. Жаловалась зря – никто ее не слушал.

Юнкер успел-таки спуститься на три ступеньки, держась за перила.

– Служу Короне, полковник! Где это ты навернулся?

На «ты» они перешли в 1814-м. Уцелев в проигранной войне, офицеры Черного Волонтерского Ольденбургского полка утвердили на прощальной пирушке: без всяких «вы». Равенство и братство до последнего дня. Навеки! Полковник Эрстед возвращался домой – к семье, брату, к юридической практике. Юнкер Торвен, успев побыть лейтенантом неполный месяц – красный мундир, черный кант! – стоял на ином пороге. Ни дома, ни родственников, ни денег – одна трость в руке.

«Марш вперед, трубят в поход, Смерти волонтеры...»

– Пуля догнала, – отставной полковник обнял отставного лейтенанта. – Духовое ружье, с семидесяти шагов! Завидуй!..

Великий Зануда желчно позавидовал.

Большая зала привыкла к гостям. Здесь бывали люди важные, чиновные, в орденах. Забегали дети-шалуны, захаживали дамы – настоящие дамы, украшение Копенгагена. Помнила зала и твердый шаг генералов. Ать-два! Война – ерунда, а вот маневры, особенно королевские! Бывал Его Величество – и приватно, в сюртуке, и при муаровой ленте.

«Мне бы родиться на триста лет раньше! Вы еще не изобрели Механизм Времени, Эрстед?»

Грузные шторы, картины на стенах – *верины* и *малые голландцы*. Толстяк-буфет, кавалеры-стулья с гнутыми ножками. Свечи в начищенных до блеска канделябрах – эти, казалось, были готовы от усердия самовозгореться. Хозяин, ходят слухи, намерен провести какой-то *Gaz de houille*? Оно, которое из гнилых опилок, намеревается светить? В нашем доме?!

Нет-нет, мы незаменимые, мы и в ясный полдень...

Зала встречала гостей. Но, странное дело – выдавшие виды канделябры потускнели, свечи втянули фитильки. Буфет – и тот затоптался на месте. Родись Великий Зануда сказочником...

– Нет-нет, братец Ханс. Лекаря не надо, знаю я датских лекарей. Гипс наложили удачно, рана чистая. Как в 1810-м, когда со шведами возле Христиании сцепились. Помнишь?

– Я-то помню, братец Андерс. Сколько ты с той пулей провалялся, а? Чуть руку не отрезали. Если бы не доктор Баггесен... Сейчас же пошлю за ним. Это тебе не шутки!

Гере Торвен слушал братьев вполуха. За полковника он не волновался. Пуля? – не впервой. Главное, добрался до Копенгагена, сумел. В этом есть заслуга и академика. На монгольфьере из Парижа не долететь. И на обычном «водородном» шарльере – тоже. Далеко! А если наполнить шар светильным газом, тем самым *Gaz de houille*, оболочку пропитать кое-чем интересным...

И ветру спасибо – зюйд-ост-осту.

– Никого не зови, Ханс. Обойдемся. И так нашумели при посадке. Корзиной – в окна бургомистра, представляешь? Статую обвалили, на куполе. Не помогают рули – думать надо, соображать...

– Рули – полдела. Движитель, Андерс, движитель! Без него воздухоплавание – детская игрушка. Пар не годится, пробовали. Ракеты? Опасно. Электричество? Хорошо бы, но как? Может, в Китае что-то придумали? Мудрость древних? Говорят, какой-то Ли Цзе в Небесный Чертог летал! Интересно, на чем? Тринадцатого Дракона мы и сами выращиваем, этим нас не удивишь...

Глядя на братьев – веселых, покрасневшихся, – Торвен понял, насколько, а главное в чем изменился младший. В молодости оба смотрелись близнецами. Год разницы – пустяк. Круглолицые, востроносые, улыбчивые, с буйными, по тогдашней «романтической» моде, черными шевелюрами. В университете их, случалось, путали.

Поговаривали, что математику за младшего сдавал Ханс Христиан. Филологию же за обоих учил Андерс Сандэ.

Годы шли. Эрстед-старший, не споря с Природой, вырослел, мужал и начал стареть – медленно, с величавым достоинством, сохраняя румянец и острый взгляд. Кудри превратились в гладко зачесанные пряди, кожу рассекли морщины. В августе гере академику исполнится пятьдесят пять. Не возраст, конечно, при отменном здоровье и непробиваемом оптимизме. Но пятьдесят пять – не двадцать.

И тридцать семь – не двадцать! Торвен провел ладонью по обозначившейся лысине. Да...

С Эрстедом-младшим ему довелось близко познакомиться лишь в 1810-м. До этого виделись, но мельком – Андерс забегал к старшему брату. Все изменилось, когда враг перешел границы и король воззвал к своим верным датчанам. Начинаящий юрист (экзамен на доктора юриспруденции маячил впереди) и четырнадцатилетний сирота встретились в казармах на острове Борнхольм. Учиться было некогда – ни «прусскому» шагу, ни стрельбе плутонгами, ни уставным красотам.

Месяц – и Черный полк принял крещение огнем.

Юнкер Торвен хорошо запомнил капитана Эрстеда – такого, каким он шел в первый бой. Скулы грубой, небрежной лепки, острый подбородок. Бледная, словно ледяная, кожа, тонкие губы плотно сжаты... Эрстед-младший утратил сходство с братом. Под шведскими пулями родился кто-то другой, чужой и непохожий.

Память лгала – или шутила. С Мнемозины станется. Сходство вернулось – когда в 1814-м полковник Эрстед обнимался с профессором Эрстедом, их вновь принимали за близнецов. Но Ханс Христиан отдал времени неизбежную дань, Андерс же... Он менялся, но – не старел. Сегодня, в теплый летний день Anno Domini 1832, бывший юнкер готов был поклясться, что вновь видит своего капитана, ведущего роту в бой.

Гере Торвен покосился на Ханса Длинный Нос. Поэт скромно пристроился у окна. Хорошо, что патрон-академик не изобрел «механизм» для чтения мыслей. Что бы подумал Длинный Нос о нем, о Зануде-из-Зануд? Счел бы фантазером?.. прости господа, «романтиком»?

Коллегой по цеху?

Торбен Йене Торвен мужественно пережил девятый вал стыда. Но отчего все притихли? Свечки-канделябры, перепуганный буфет – спишем на буйство фантазии. А рука? Почему она тянется к пистолету? Пистолет – в ящике стола, но пальцы липнут к нужному карману. Часто они ошибались?

Шутки кончились – в залу вошел первый гость. Черные «совиные» окуляры, восковая бледность щек. Молчаливая неприветливость – ладно, стерпим. Массивная трость в руках – посочувствуем и пойдем. Но все вместе, если сложить и взвесить...

– Князь Волмонтович, господа. Мой ангел-хранитель, хорошо знакомый вам...

Вольнодумцу и деисту Торвену при встрече с князем всегда хотелось перекреститься. А сейчас – в особенности. Если и походил на кого-нибудь «ангел-хранитель», то на сбежавший из парижской витрины манекен. Натерли деревяшку воском и посыпали чудо-порошком. Только действие порошка вот-вот кончится.

– ...большой поклонник гере Андерсена.

Поэт с шумом сглотнул, попятился и ткнулся худыми лопатками в стену. Вероятно, сие означало: «Очень рад!» Перед отъездом из Дании князь одолжил у кумира новые рукописи

– сделать копии и переплести. Судя по всему, Длинный Нос пуше смерти боялся, что «пан манекен» захочет сейчас поделиться впечатлениями.

Волмонтович по-военному щелкнул каблуками. Стекла окуляров подернулись дымкой. Князь вздрогнул – и застыл возле двери, словно в родную витрину попал. Лишь трость еле заметно скользнула по гладкому паркету.

Вспомнилось: мокрая зима 1814-го, разоренный, безлюдный Шлезвиг. Пушки вязнут в грязи по ступицу. Русские – слева, пруссаки – справа. «Санитары, быстр-р-р-ро! Раненого в тыл!...»

Вне сомнений, Волмонтович был ранен. Так держатся те, кто истекает кровью. Ты – не человек, ты – пробитый кувшин с дырой, наскоро заклеенной куском смолы. Не взболтнуть, не вздохнуть, не шевельнуться...

Непорядок в частях, полковник!

– Прошу, прошу... Смелее!

Кого это тут просить приходится? Манекен-Волмонтович – *primo*, теперь, стало быть, *secundo*.

Secundo пожаловало в халате. Многие видела парадная зала, разучилась удивляться. Но в этот миг треснуло Мироздание. Провалился в бездну паркет, картины выпали из рам, дымом изошли стены... Армагеддон! Одна свеча не выдержала, вспыхнула ярким пламенем.

Халат в зале? – гори все огнем!

Гере Торвен поступил по примеру древних стоиков. Не спорь с судьбой, полюби ее. Ехидная память подсказала: «Супруге должно встречать супруга в халате, предпочтительно розовом...» Адольф фон Книгте, «Об обращении с людьми» – читывали, знаем. Халат, правда, розовым не был. Ярко-красный шелк, в драконах и цаплях. К халату прилагалась меховая шапка, похожая на виденные в России *ushanken*, но треугольная. Лицо под мехом, от бровей до подбородка, смотрелось экзотично.

– Моя новая спутница, прошу любить и жаловать. Фрекен Пин-эр из города Пекина.

Мироздание устояло. Излишне впечатлительная свеча устыдилась и погасла. Зала с облегчением перевела дух. Люди же сделали вид, что все в порядке. Гере академик вежливо поклонился. Зануда последовал его примеру.

– Гере Андерсен! Не смущайте гостью, поздоровайтесь!

Ханс Длинный Нос издал клопочущий звук, стараясь отлипнуть от стены. Получилось лишь с третьей попытки. Решив, что терять нечего, он отправился знакомиться. Краешком сознания Торвен отметил, что в свое время лично учил дичка-провинциала, как надлежит подходить к дамам. Голову склонить, лишних слов не говорить, поданную ручку лобызать с чувством, но не чрезмерным.

Нескладной метр дошагал до гостьи. Голову склонил. Лишних слов не произнес. Без спросу, торопливо, как раскаленную кочергу, ухватил изящную ручку. Неудачно изломил девичье запястье...

– Ханс!!!

Закричали втроем: оба Эрстеда и Зануда. Дремавшая Интуиция, она же Скверное Предчувствие, проснулась у всех одновременно.

– А-а-а-а-а-ай!!!

Поздно. Длинный Нос уже летел – через всю залу, носом-клювом вперед, распылив руки-крылья и открыв в изумлении рот. Лечу это я, братцы, лечу...

– Ой-й-й-й!..

Паркет был отменно скользким. Стена – кирпичной. Шпалеры – не слишком плотными. Ах, мой милый Андерсен, Андерсен, Андерсен!..

Alles ist hin!

Фрекен Пин-эр из Пекина опустила убийственные лапки. Церемонно поклонилась – трижды. И деликатно изобразила жестами: дескать, не надо ей ничего целовать. Может неверно истолковать порыв.

– О господи! Ханс!..

Эрстед-младший стоял возле поэта, распластанного у стены.

– Чуть закрою глазки – света сколько, света, и гурьбой слетают ангелы ко мне! – деревянным голосом продекламировал князь Волмонтович, большой поклонник творчества гере Андерсена.

И поправил окуляры, сползшие на нос.

3

– Гере Торвен, остановите меня, если в чем-то ошибусь.

Эрстед-старший сцепил пальцы и улыбнулся. Улыбки у академика имелись на все случаи жизни. Нынешняя предназначалась для нерадивых студентов в момент выставления нулевого балла в ведомость. Увидев ее, единицы умудрялись сохранить рассудок.

Не в полной мере, конечно.

– Итак...

Собрались втроем – братья и примкнувший к ним Зануда. Местом совещания избрали «караулку». Гостей отправили отдыхать, милого Андерсена уложили на кушетку, приспособив кусок льда поверх распухшего носа. Самое время подвести баланс.

– За последние дни, братец Андерс, ты умудрился... Считайте, гере Торвен, считайте! Подставиться под пулю – раз. Довести, уж не знаю как, своего князя до дверей прозекторской. Два! Таранить Ратушу, свалив на землю статую архиепископа Абасалона, основателя Копенгагена. Разбить окна в кабинете бургомистра...

Братец Андерс с видом проказника-школяра поднял руку, пытаясь что-то сказать. Но братец Ханс не позволил.

– Привести в мой дом фрекен Фурию из города Бей-Наотмашь, дабы она искалечила надежду датской литературы. И, в придачу ко всем грехам, ты отказываешься меня слушаться! Сколько выходит, Торбен?

– Пять, дядя Эрстед. Если Абасалона с бургомистром объединить.

– Андерс Сандэ Эрстед, гере младший брат... Что вы можете сказать в свое оправдание?

– Ни-че-го!

Полковник встал, повел плечами. Глянул, не мигая – добро б на собеседников, а то в Мировой Эфир.

– Считай, Торбен, считай... Галуа мертв. Мертвы Жан Батист Фурье и Софи Жермен. Волмонтович умирает, и, если ему не помочь, – погибнет без возврата. Таких, как он, даже Ад не принимает... Наивная и крепко битая жизнью фрекен Пин-эр приняла нашего поэта за бойца-наемника, расквасив ему нос. Единственное, что радует – статуя Абасалона. Давно пора. Братец Ханс! Дружище Торвен! Мы опоздали – Филон начал войну. Теперь он не остановится. Война, друзья! И эту войну мы проигрываем...

Молчание. Ни звука, ни вздоха. Даже гоблин в камине закусил черные губы, боясь помешать. Тихо-тихо, тихо-тихо...

– Филон очень уважает своего земляка Карла Клаузевица. Наизусть учит. В Париже он дал авангардный бой – и выиграл. Следующий удар будет нанесен здесь, в Дании. На этот раз – наверняка. Насмерть! Поэтому я рискнул с шарльером. Насколько опередил врагов, не знаю. Думаю, скоро они придут – за нашими головами.

Тихо-тихо, тик-так...

Бац!

Пистолет Великого Зануды ударился о столешницу. Подпрыгнул, блеснул победной медью. Вспомнили? Пригодился? То-то же!

– «Иных фельдмаршалов-растяп спасает Генеральный штаб», – ровным голосом сообщил Торвен, доставая из ящика пороховницу.

– «Ход дел предвидя современный, – согласился академик, – составил я совет военный...»

В этом доме великого Гете знали все. Не стал исключением и гере младший брат. Задумался, провел пальцами по твердому подбородку.

– «Мне кажется по-прежнему разумным, чтоб мы укрыли армию свою в овраге незаметном и бесшумном. Наш выбор оправдается в бою».

– Значит, в Эльсинор?

И – прорвало. Заговорили разом, быстро, торопя друг друга. Голоса, отличные вначале, с каждым мгновением становились все более схожими. Звуки сливались, пулями летели слова:

– Почему в Эльсинор? Лаборатория, запасы, архив, склад... Филон уверен, что доберется первым, значит... Ослов и ученых в середину! Братец, ты нужен в Копенгагене, сиди и пиши письма!.. Королевская канцелярия пишет!.. Нет, старина Торвен, Эльсинор я им не отдам. Прятаться не стану... Инвалидная команда – в штыки!.. Ерунда, главное – маневры... Банка хоть заряжена? Что значит – «в процессе»? При Ватерлоо Груши тоже был «в процессе»...

Гоблин в недрах камина опомнился и стал подслушивать. Смысл ускользал, отскакивая от мохнатых ушек. Промучившись пару минут, гоблин сдался – и нырнул в угольную пыль. Ну их всех!

– Король узнает – без голов останемся. Хорошо, хоть четвертование отменили... Введут снова – персонально для академиков... Лучше без голов, чем... Волмонтовича доведем? Совсем никакой... А пироскаф на что? Наши датские пироскафы – самые пироскафные... Живьем в Банку залезешь, но чтобы к вечеру!.. Склад, склад береги!.. «Марш вперед, трубят в поход, Смерти волонтеры...» Ты еще «Марсельезу» спой...

– В Эльсинор?

– В Эльсинор!

Хлопнула дверь. Шаги на лестнице – дальше, глуше... Матушка Тишина осмелилась вернуться в свои владения. Заглянула, осмотрелась. Осмелела. Пустая комната, сдвинутые стулья, рухнувшая стопка папок на зеленом сукне.

Тихо-тихо.

– В Эльсинор? – офицер на портрете шевельнул губами:

Не спорю. Место славное для сеч,
Где разгуляются рука и меч.

Старый вояка тоже читал «Фауста».

Сцена третья Пироскаф «Анхольт»

1

Датчане должны быть благодарны Вильяму Шекспиру – за Гамлета, принца Датского. И незачем трясти старыми пергаментами, доказывая, что подлинная история Амелета, сына Хорвендила, лихого и хитрого викинга, рядом с шекспировской не лежала, не сидела и даже призраком не бродила. Невелика беда – по сравнению с тем, что англичане с собственным Артуром-королем сотворили.

Зато помнят и помнить будут.

Дания, Эльсинор, Гамлет – коротко, а словно целый мир увидел. Шведы, соседи злокозненные, подобного не удостоились, как бы ни пыжились с Карлами Не-Упомнишь-Номеров. И в житейском плане – чистая прибыль. Северное море – обжитой дом. Отчего бы не сесть на корабль да не сплавить прямоком в славный Эльсинор? Не прикоснуться к влажным камням, еще хранящим драгоценное эхо:

Быть иль не быть – вот в чем вопрос. Достойно ль
Смиряться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними? Умереть. Забыться...

Заодно и хозяев порадуешь. Щедрый гость – великое благо. Спасибо, Шекспир, Потрясатель Копья! Ты знал толк в публике – за что денежки несет, кому в кассу ссыпает...

Торбен Йене Торвен надвинул шляпу на брови, зябко повел плечами. Застегнул верхнюю пуговицу сюртука. Подвела Королевская обсерватория, погорячилась с прогнозом. Был зюйд-зюйд-ост – и нет его. С полудня – устойчивый норд. Тучки, а на горизонте – тучищи.

Не дай бог, дождь подвалит, а с ним – шторм.

Эресунн – узкий пролив между датской Зеландией и Западной Швецией – покрылся мелкой противной рябью. Пироскаф «Анхольт» бодро шлепал колесами, дыша оптимизмом и угольной пылью. До цели – вожделенного Эльсинора – оставалось полчаса тихим ходом. Можно берегом полюбоваться, поразмышлять о странностях бытия. Скажем, о том, что Эльсиноры сами по себе не возникают, не растут среди камней.

Хорошо Шекспиру – взял и придумал.

Квадратная громада крепости по левому борту украсилась белым дымком. Секунда, другая, и море вздрогнуло – звук выстрела нагнал пироскаф. Ничего страшного – стреляли один раз. Цитадель Кронборг слала восточку резвому «Анхольту». Вижу, мол, стою на страже. А ты, малыш, плыви с богом, шевели колесами. Вот если бы я, крепость, дважды пальнула, тогда дело иное.

Третий выстрел – прицельный.

Темный страшный Кронборг и был настоящим Эльсинором. Драматург, не особо задумываясь, переименовал цитадель, дав ей имя соседа-поселка. Тот, правда, тоже никакой не Эльсинор, а Хельсингер. Но что с барда-англичанина взять? Если задуматься, вышло наилучшим образом. Приезжих ротозеев сперва можно в Кронборг свозить, дабы мрачным величием прониклись. Тюрьму крепостную показать – действующую, с живыми заключенными. Впечатлились? А теперь – гвоздь программы: весельчак-Хельсингер с его тавернами-кофейнями!

Как у Гамлета:

Зачем приехали вы в Эльсинор?
Тут вас научат пьянству...

Хотя попадаются знатоки-буквоеды, язвы ходячие. Вопросы задают. Кронборг – одно, поселок – иное... А Эльсинор, простите, где? Настоящий, из трагедии? Того и гляди, деньги назад стребуют, по всей Европе ославят.

Конфуз!

Лет десять назад, когда Дания только-только очнулась после военного лихолетья, этот вопрос обсуждали всерьез. Давний знакомец Торвена, офицер с портрета, собрал в Амалиенборге умников-разумников: дайте совет! Гости к нам едут, а Эльсинора-то и нет.

Непорядок!

Зануда сидел тихо, слушал. И не выдержал. Нет? Что значит – нет? Будет! Построим! В лучшем виде! В ответ дернулся ольденбургский нос – Его Величество изволили кисло ухмыльнуться. Сам не дурак, майне герен, такое даже королю доступно. Средства откуда взять предлагаете?

Дания, увы, банкрот.

О чем после совета разговаривали король и гере Эрстед, никто не узнал. Но именно секретарю Королевского общества был пожалован в пожизненное владение славный замок... Какой? – естественно, Эльсинор. С правом и обязанностью оный восстановить и украсить, дабы организовать там музей. И – боже храни нашего доброго Фредерика!

Эльсинор, пожалованный Его Величеством, гере Эрстед с Занудой искали целую неделю. А кто ищет, тот всегда найдет. Вспомнив прошлое, Торвен приосанился, глянул вперед, на серую рябь пролива. Свежо! Хорошо, сюртук надел. Июнь – июнем...

– Скупаем, лейтенант?

Андерс Эрстед подошел к борту, взялся за поручень здоровой рукой. Кивнул в сторону черной закопченной трубы:

– Как тебе технический прогресс? Нравится?

– Нет.

Зануда плавать не любил. А любоваться предпочитал парусами.

– Мне тоже. Клепают, как при Фултоне! Котел и два колеса, никакой выдумки. А ведь еще Джон Фитч строил «Коллект» с гребным винтом. Почти сорок лет назад! Ничего, год-два – и Николя Карно им всем покажет! Говорили мы с ним в Париже... Он такое, лейтенант, придумал! Пар – вчерашний день. Нужен движитель экономный, мощный; движитель для Будущего...

Не договорил, резко выдохнул:

– Это если...

Уточнять не стал. И так ясно. О Будущем – завтра, если оно настанет. Пока же инвалидная команда без всякой славы отступала. Андерс ранен, Волмонтович лежит пластом в каюте, китаянка при князе – сиделкой. Доведем ли?

Зануда прикинул шансы, поморщился:

– Ты Карно предупредил?

– Конечно! И его, и остальных. И Галуа предупреждал. Что толку? Оборона – смерть. Нельзя вечно прятаться, каждый час ждать удара. Моя семья – в Германии, и дети брата – тоже; переписываемся чуть ли не тайно. Честно говоря, до последнего дня не верил. Филон... Он с якобинцами порвал, потому что крови не хотел! Если бы сам не сказал, не объявил войну...

Гере Торвен глядел в небо – мутное, заросшее неопрятной плесенью облаков. Чудит полковник! Войны сейчас не объявляют. Несовременно; моветон. Иногда ему казалось, что

Эрстеды – пришельцы из любимого «романтиками» Средневековья. Старший тоже хорош! – рвался в бой. Насилу удержали, спрятали в надежном убежище: пиши коллегам, дабы головы берегли, поджидай Его Величество. Свалится, как русский снег на голову, новости узнает...

Дождемся – велит четвертовать.

Заодно поручили академику стеречь тезку-поэта. Тоже на войну просился, *du lieber Andersen*. Романтики!

– Твой Филон – старомоден, полковник!..

– Он так мне и сказал, лейтенант, – хмурясь, ответил Эрстед-младший. – Слово в слово. Там, в Париже...

2

– ...Я старомоден, Андерс. Следовало прислать герольда. Нет, решил прийти сам. Из-за тебя.

Ночь была желтой. Газовые фонари прогнали тьму, залил камни яркими, непривычными красками. *Gaz de houille* покорял славный город Париж. Стены и мостовая, помнившие еще Лигу и арманьяков, стыдливо замерли, оголяя старое естество. Небо отступило, подернувшись дымкой, скрыло робкие свечи звезд. Ветер, вольный сын эфира, мазаться охрой не пожелал – умчался прочь.

Желтый огонь, июньская жара.

Час пополуночи.

Они едва не опоздали. Адрес, указанный в записке, ни о чем не говорил. «Синий Циферблат» – улица? площадь? К счастью, один из вездесущих уличных мальчишек, сунув за щеку монетку, подсказал: не улица, не площадь – место. Стоял такой кабачок меж двух переулков. Кабачка давно нет, на его месте – кафе, но имя осталось. Раньше место звалось – площадь Роз, так посреди нее домяру отгрохали...

Какая уж теперь площадь!

Успели впритык – за полминуты до назначенного срока. Князь Волмонтович первым выскочил из фиакра. Бегло осмотрелся, легонько ударил тростью в пыльный булыжник. Кивнул: все в порядке. Пин-эр не спешила. Озиралась, шурила и без того узкие глазки. Изучала верхние этажи домов. Пейзаж китайке определенно не нравился.

То ли дело в родном Пекине...

Странное дело: Андерс Эрстед не слишком волновался. Вызвали на разговор – не на поединок; пусть даже разговор и станет последним. Раньше думалось – ради такого случая Филон пригласит на кладбище, или под своды собора, или на перекресток дорог. Уханье совы, шелест крыльев летучих мышей, удары далекого колокола...

Бом-м-м-м!

Вышло иначе. Бывшая площадь Роз – она же «Синий Циферблат» – тонула в газовом огне. Окна спрятались за ставнями. В кафе, обустроенном на первом этаже дома-великана (переулок – слева, переулок – справа), кутила тьма народу. Столики по случаю жары уверенно оккупировали тротуар, выползли на середину, мешая проезду. Надрывный плач гармоники-«шарманки», громкие голоса, смех, женский визг – гуляй, Париж!

Филон ждал за крайним столиком. Не сидел – стоял, задумавшись, барабанил пальцами по краю столешницы. На пестрой скатерти – бутыл в оплетке, два пустых бокала...

– Ты пришел с охраной, мой мальчик. Это невежливо.

– Прошу прощения.

Серый сюртук, серые панталоны. На груди – белый крест под золотой короной. Взглянуть со стороны – почтенный иностранец, генерал в отставке. Жаль, шляпа подвела – старье. Синяя треуголка, якобинское страшилище с ободренным шитьем и сорванной кокардой. Такое даже

на чучело не напаялишь – вороны в полицию донесут. Понимая это, Филон держал шляпу под мышкой.

Двое стояли друг напротив друга, залитые желтым огнем.

– «И землю, и море, и небо заселит собой человек. И будет рваться к власти, равной Богу, не зная никаких границ...»

– Иоганн Иерусалимский, учитель. Начало XII века. Предтеча Нострадамуса. Когда-то вы называли его жутким мракобесом.

Гармоника стихла, вновь заиграла – веселую, разудалую мелодию. Пары пустились в пляс, туфли заскользили по булыжнику. Двое оказались заключены в малый круг, словно кто-то оградил их невидимой, непреодолимой границей.

Волмонтович подал знак китайке, советуя отойти в сторонку. На девушку в ярком халате уже косились. Какой-то пьяный щеголь шагнул ближе, заглянул под мохнатую шапку. Хороша ли мадемуазель? Пин-эр не сдвинулась с места. Щеголь напоролся на ответный взгляд Фрекен Фурии, протрезвел, охнул...

Отскочил, едва не сбив с ног ближайших танцоров.

– Мракобесом – да. И никогда – лжецом. «Человек помчится, как лошадь слепая. Но кончится все для него в одночасье: ударами шпор он загонит коня в лес непролазный, за которым в конце пути только пропасть...» Полвека назад мы объединились, чтобы сбросить иго самодовольных попов, посмеявшихся вещать от имени Господа. Мы победили лживую Церковь. Ты и твои друзья возводят новую – худшую. Полузнайки с университетскими дипломами узурпируют звание пророков. Наука – ваш новый Ватикан. Хуже – Молох!..

– И значит, ученых нужно убивать.

Разговор был бесполезен. Главное сказано давным-давно, повторяться нет смысла. Но собеседники не решались подвести черту. «Не расставайся ни с кем, не сказав ему чего-нибудь поучительного или приятного!» – писал когда-то Филон, еще не ставший Эминентом, человеком-вне-времени.

– Я без причин не убиваю, Андерс. Обычная физика: ты людей подталкиваешь, я удерживаю. Кто хрупок – ломается... Ты пожалел мальчишку Галуа. Знаешь, к чему вели его работы?

– Галуа убили в самом начале его пути, учитель. Будь прокляты убийцы детей. Но работы «мальчишки» станут фундаментом для создания принципиально новой физики. Не «обычной» – иной.

Волмонтович поправил темные окуляры. Скользнул глазами по толпе; примериваясь, взмахнул тростью. Скверное место для встречи. Каждый из этих гуляк не опасен, и вместе они – не сила. Но слишком уж много их! – не уследишь, не заметишь...

Китайка молча указала в сторону ближайшего переулочка. Беру, мол, на себя. А ты здесь сторожи, не ленись. Князь в раздражении дернул плечом, теща шляхетский гонор, но спорить не стал.

– Физика – далекая перспектива, мой милый мальчик. Зато уже сейчас его выводы позволяют принципиально иначе кодировать знания. Ин-фор-ма-ция – слышал? Счетная машина с функциями мозга. Искусственный разум, дорогой Андерс! Достойное завершение вашей Новой Утопии. Или не завершение – начало? Големов вам, значит, мало?

Филон сердился. Терял показное спокойствие, взамен набирая честно прожитые годы. Эрстед вздрогнул – перед ним, залитый равнодушным газовым огнем, бесновался древний старец, случайно избежавший взмаха беспощадной Косы. Трясется беззубая челюсть, машут руки-плети; горб за плечами, нелепая треуголка под мышкой...

Старик? Мертвец?!

Что ж, Филон понял. Оборвал монолог, выпрямился, становясь прежним; сверкнул молодыми глазами. Рука указала на бутылку, скучавшую в компании бокалов.

– К сожалению, кло-де-вужо. Дрянное вино. Извини! Зато год подходящий – 1789-й. Налей бокал. Один – пить мы не будем.

Не споря, Эрстед шагнул к столику. Пыль с бутылки радостно прильнула к руке. Филон ждал – напряженный, прямой, как натянутая струна.

– Руку с бокалом – вверх!

Железный голос на миг перекрыл развеселый гам. Кто-то взглянул с удивлением, кто-то отшатнулся. Пауза мелькнула и сгинула – «Синий Циферблат» вновь зашумел, закружился...

– Андерс Сандэ Эрстед! В последний раз я называю тебя по имени. Отныне ты для меня – не ученик, не друг и даже не соперник. Ты – враг, которому я объявляю войну. У тебя нет больше прав, кроме одного – права умереть. Но я не хочу нападать без предупреждения. Сейчас ты бросишь бокал. Время, пока он будет падать, – целиком твое. Это мой последний дар – ученику от учителя...

Волмонтович подступил ближе. Пин-эр замерла, готова лететь на зов.

– Бросай!

Андерс Сандэ Эрстед разжал пальцы.

Сколько падать бокалу? Секунду? Меньше? Не успеть ничего – ни подумать, ни оглянуться, ни подать знак друзьям. Вот кло-де-вужо, урожай года Бастилии, разлилось по мостовой – багровая струя, блеск ледяных осколков стекла.

Последний дар...

Эрстед все-таки сумел – развернулся боком к близким окнам, в одном из которых дрогнул предатель-ставень. Филон успел много больше. Шляпа-треуголка взлетела хищной птицей, мазнула по воздуху, словно огромная неряшливая кисть по холсту... Упала – прямо в винную лужу.

Желтая ночь. Шумное кафе. Разбитый бокал.

Филон исчез.

– И все? То пан есть блазень!

Князь, ожидавший иного, страшного, усмехнулся с презрением, скривил губы, готовясь пошутить. Эрстед мотнул головой, хотел возразить: «Нет, дружище, Филон – не шут. И не надейся...»

Хлоп!

Выстрел никого не испугал. Смешной хлопок среди веселого кутежа. Должно быть, гуляка от великих щедрот откупорил «Мадам Клико». Пробка – в небо, пена из черного горла. Одна бутылка, другая, третья: хлоп!.. хлоп!..

– Назад! Назад...

Эрстед устоял – несмотря на пулю, перебившую кость левой руки. Но голос отказал, дрогнул. Пин-эр вихрем мчалась к двери в начале переулка. Старинный дом – окон много, вход один...

– Бах! Бах!..

Трость Волмонтовича ответила бутылке.

Ружейный дом Франкоттов по праву гордился своим детищем. Так отец-аристократ порой больше любит бойкого сына-бастарда, рожденного по любви, чем законного наследника, чахлого брюзгу, зачатого на холодном ложе. Дульнозарядная капсюльная трость-трехстволка с рукоятью в виде головы жеребца не числилась в каталогах Жозефа Франкотта. Второй такой не было во всем цивилизованном мире. Ее сделали по личному заказу Андерса Эрстеда – датчанин хотел порадовать князя в день его второго рождения.

Конкуренцию «жеребчику» могла составить лишь трость Генри Клефта, где в компании с пистолетом укрывались контейнеры с порохом и пулями, подзорная труба, чернильница, стальные перья и листы бумаги, свернутые трубочкой.

Кольцо-фиксатор, удерживающее спусковой механизм, князь сорвал, как срывают бинт, присохший к ране, – единым движением. Отлетел прочь, звеня на камнях, стальной наконечник. Тонкие стенки стволов, укрытых в трости, требовали уменьшенного заряда – иначе они грозили лопнуть и поранить стрелка. Но на малых расстояниях это было терпимо.

Две пули ушли в провал окна-бойницы.

– Пин-эр! Казимир, останови ее...

Князь не слушал. Он знал свои обязанности. Закрывать неосторожного патрона от смертоносных «пробок»; послать во врага последний гостинец...

– Бах!

Темные окуляры сброшены за миг до начала стрельбы. В глазах Волмонтовича жидким янтарем полыхает, отразившись, фонарный *gaz de houille*. Глаза зверя, свирепого хищника; черной пантеры в зарослях. Рот оскален, с виска течет струйка пота. Дымится в руке увесистая трость – огнедышащий, дикий «жеребец» изогнул шею...

Никто уже не веселился.

Смолкла «шарманка». Люди отбегали подальше от смерти, жались к стенам. Женщина в бархатной маске – минутой раньше она обнимала партнера по танцу – лежала на булыжнике. Кровь на плече, и на лице кровь, и на маске...

Пин-эр бежала со всех ног.

Трехэтажный дом под красной черепицей – не дворец Цяньцингун в Запретном городе. Ни тайных ходов, ни подземных лазов. Все просто и понятно. Вверх по лестнице – и налево, по коридору, до той комнаты, откуда били из духового ружья. Волмонтович – отменный стрелок, на корабле он редко давал промах по чайкам, обнаглевшим сверх всякой меры. Ночью князь особенно меток, ночь – его время...

Но вдруг в проклятой комнате было двое мерзавцев?

Одного – живым!..

Заспанный консьерж тупо моргнул, провожая глазами цветастый халат. Китайцы? В Париже?! Ах, пион-красавец, дальний гость, завоеватель наших оранжерей! – *Chinensis odorata*, Эдулис Суперба из коллекции Кало... Сон наяву, явь во сне! – в душе садовод, консьерж вновь погрузился в дрему, полную лепестков и аромата.

Было в грезах стража что-то насильственное, чуждое обычному сну. Но Пин-эр слишком торопилась. Лестница! Вверх! Семь-восемь ступеней, затем – поворот...

Не получилось – ни вверх, ни налево. Она замерла на середине лестничного марша. Не пройти – занято. Стоит: огромный, широкий, мощнорукий. Человек-гора. Лица не разглядеть – смутная тень вместо маски.

– Фроляйн!..

Гора тяжело сопела. По-доброму, сочувствуя.

– Не надо, фроляйн. Там опасно. Там стреляют.

Пин-эр поняла – слова были короткими и простыми. Они не обманули. Обманул голос. На миг почудилось, будто простодушная Гора и в самом деле испугалась за странно одетую незнакомку. Наивный здоровяк-парижанин; высокая, крепкого сложения мадемуазель...

...Парижанин?! Отчего же – «фроляйн»?

За три с половиной месяца, проведенных в море, на палубе «Сюзанны», Пин-эр запомнила много новых слов. Но это – не из языка болтливых франков! Ложь открыла свое лицо – круглую, пятнистую луну в тени облаков. Уже все зная наперед, девушка отступила на шаг, будто соглашаясь с непрошеным доброхотом.

Склонила голову, благодаря за участие.

Удар был рассчитан на быка. Хорошо, что она стоит ниже обманщика. В пах, в «нефритовый жезл», кулаком – чтобы наверняка, сразу. Пусть туша, захлебнувшись воплем, лавиной

сползет вниз, по ступенькам, к храпящему во сне консержу. Пусть тому привидится поверженный местный божок Го Ли-аф на ложе из пионов!

Вэй Пин-эр, дочь наставника императорских телохранителей, все рассчитала точно. Она не ошиблась, просто чуть-чуть опоздала – на полвздоха, на взмах ресницами. Гора успела повернуться – тоже еле-еле, самую малость, но этого хватило. Удар пришелся в бедро. Били не человека – быка, но гора устояла.

Колыхнулась, гудя с искренней заботой:

– Не ушибли руку, фроляйн? Мы не успели предупредить... Наши кости очень-очень твердые. В этом нет нашей вины, это все проклятые врачи, не к ночи будь помянуты. Мы не представились, извините. Называйте нас Ури – это, конечно, прозвище, но из-за мерзких докторишек...

Если бы Пин-эр не торопилась, она зарычала бы. Завыла, вскинув голову к мрачному, утонувшему во тьме потолку. Бой утратил смысл. Чудище по прозвищу Ури можно победить. Гору можно скрыть, пробить в ней туннель, прорваться... Но драгоценные яшмы-секунды растрачены впустую. Поздно!

Кто убит – убит. Кто ушел – ушел.

Оставалось одно – вернуться на площадь, к друзьям, неся тяжкий груз поражения. Там она нужнее. Но сперва – поклониться горе.

Спасибо за науку.

Возле столиков – откричали. Парижан, как и любых других горожан, легко испугать пальбой. Но – и в этом отличие от «любых других»! – очень ненадолго. Слишком велика привычка. Здесь стреляли с завидной регулярностью. Кровь на мостовой никого не удивляла. Два года тому под пушечный лай свергли короля Карла, шесть месяцев назад Национальная гвардия разрядила ружья в мятежную толпу. Говорят, на днях намечается очередное побоище. Дикари-инсургенты из социалистических «секций» грозятся Париж дотла спалить – в прах, в пепел!..

...Неужто весь? И Лувр не пожалеют? Весь, уверяем вас! С Буа де Булонь. А тут – шесть пуль, ерунда. Хорошо, мадам-месье, один раз вскрикните: «Ай!» Для слишком впечатлительных: два раза – «ой!». И хватит. Живы? Живы!

– Полици-и-я-я-я-я!..

Стражи порядка гуляли где угодно, только не здесь. Как и врач – к которому тоже зывали, хоть и с меньшим пылом. Пострадали, не считая разбитых окон, двое. Смешно сказать! – двое. Очень подозрительный иностранец и...

Женщина лежала без движения. Дышала – кровь пузырилась на губах, искаженных болью. Пальцы с длинными, ярко-красными ногтями царапали грязный булыжник. Скрип – ужасный, доводящий до истерики.

– Доктора! Доктора-а!

Время текло из вскрытых жил. Зеваки, выдавшие виды, в мыслях сочиняли восхитительно-страшные байки. «...На моих глазах, бедняжка!.. простонала напоследок и угасла, как свеча. Красавица...»

– Помогите, князь!

Одной рукой Эрстед пытался затянуть узел самодельной повязки на ране. Не получалось. Волмонтович без лишних слов взялся за концы тряпки, потянул. Есть! Сломанная кость мозжила, в висках набатом стучала кровь. По телу катился озноб – авангард грядущей горячки.

– Что с ней?

Отвечать князь не стал ввиду полной очевидности ответа. Сейчас его занимало совсем иное. Они в ловушке – в каменном мешке, под небом, желтым от фонарного газа. Надо уходить – немедленно, бегом, не тратя времени на умирающую даму, которой нужен не врач, а священник.

Тем более, ни врача здесь, ни кюре.

– Я... Я посмотрю.

Эрстед хотел склониться над раненой, но князь не позволил. Вернул на нос чудом уцелевшие окуляры; прислонил к столику трость, бесполезную в данном случае. Присел на корточки рядом с женщиной в маске.

Коснувшись шеи – там, где синел ручеек вены, – он ощутил ровный, еле заметно пульсирующий холод...

– Добро пожаловать домой, братец!

Черные губы взорвала усмешка. Пальцы, изящные и тонкие, сжали руку князя. Вцепились в запястье – не отодрать! – красные ногти. Волмонтович вздрогнул, словно его обожгло пламенем, рванулся назад; поднял вторую, свободную, руку, защищая лицо. Но удара не последовало. Пальцы-клещи усилили нажим, ослабели, разжались; отпустили...

Сгнули.

Осталась лишь боль от нелюдского захвата.

Боль осталась, но что-то исчезло. Князь попытался сообразить, что именно. Не успел. Порыв ледяного ветра взметнул ночь, как осеннюю листву. Женщина вскочила – бурая корка на лице, вечернее платье испорчено, пронзено шальной пулей напротив сердца. В пальцах, будь они прокляты, – браслет.

Тусклый блеск.

– Я положу этот алюминий тебе в гроб, братец-дурачок. До встречи!..

Пин-эр вновь опоздала, замешкалась – второй раз за эту безумную ночь. Китайка набегала от дома, видела, знала, как сбить *куан-ши* с ног, если не удастся сразу вырвать у нее добычу... Нет, зря, все зря! – узкое, змеиное тело ввинтилось в небеса, зимний вихрь смел с булыжника пыль, грязь, кровь...

– До встречи, сестренка! – шепнул, дрожа от ненависти, Волмонтович. – До скорой!

– Браслет! Что с браслетом?

Эрстед опустил пистолет. Куда стрелять? В кого?! Разве что пустить пулю себе в лоб. Он сглупил, попал в ловушку – мальчишка! щенок!.. ученик. И сам едва не погиб, и спутников подставил.

– Сломала, – князь глядел на опустевшее запястье, качал головой. – Замок сломала, двумя пальцами. Сильна, курва! Я... Я ранен, Андерс.

– Вылечим! Казимир, ты же знаешь...

– Я очень скверно ранен. Ее кровь смешалась с моей. Боюсь...

На тыльной стороне ладони кровоточила не рана – глубокая царапина. Ногти прорезали кожу, чужая кровь залила руку. Со стороны взглянуть – пустяк, безделица. Промыть водой, залить спиртом. Но Эрстед даже не попытался спорить. И успокаивать друга не стал.

Нечем.

3

Когда нет тем для разговора, поминай погоду.

Гере Торвен окинул взглядом горизонт, затянутый тучами. Кажется, до грозы недалеко. Свинцовая вода в мелкой ряби. Стылый ветер, низкое небо валится на голову. Июнь называется!

– Обсерватория обещала «ясно, без перемен». Говорят, у англичан принят закон о смертной казни за неверный прогноз. А я еще думал: что у них есть хорошего, кроме пудинга?

– Ага...

Ответ Эрстеда не удовлетворил Зануду. Помощник гере академика слишком любил порядок. И логику. Живи Торвен в средневековой Окситании, по примеру трубадуров объявил бы ее своей Прекрасной Дамой.

Дама была недовольна паладином.

– Не сходится пасьянс, полковник. Если и впрямь Филон начал войну – вас бы уже похоронили в Париже. На кладбище Монпарнас, с оркестром, с грудой цветов. Ты лег бы первым. Выходит, Филон не бил? – по носу щелкнул, для памяти.

– Филону не нужен мертвец, дружище. Ему нужен подранок – чтобы привел к гнезду. Об Эльсиноре он, скорее всего, не знает. Вернее, о начинке нашего Эльсинора... Да, лучше бы мы не появлялись в Дании. Но нам не оставили выбора. Князь умирает; мы, считай, опоздали.

Гере Торвен переглянулся с Прекрасной Дамой. Логика сокрушенно вздохнула.

– Князю требуется врач, полковник. Врач – а не твоя, извини за прямоту, лаборатория. Не в обиду будь сказано, но ты слишком увлекся...

– Чем?

– Экзотикой. Упырей не существует. Оборотней – тоже. Привидений. Баныши. Мальчиков-с-Пальчик. XIX век на дворе – уж прости, что напоминаю.

– Упырей не существует, – кивнул Эрстед. – Однако случаются редкие, неизвестные современной науке болезни. Которые требуют нетрадиционных методов лечения.

– Шаманских плясок?

– Нет. Скажем иначе: электрического воздействия и... алюминиемной блокады. Я не одинок, дружище Торвен. В госпитале Санпетриер месье Дюпотэ уже десять лет практикует лечение магнитами. Врач Климес не боится вслух говорить об электробиологии. Три года назад Жюль Клокэ делал доклад в Медицинской академии – об успешном использовании месмеризма как анестезии во время операций. Он излагал факты, а господа академики кричали, что пациентка Клокэ притворялась. Нарочно, дрянь этакая, не чувствовала боли! – чтобы досадить академикам... Ты любишь Гете? «Мы все имеем в себе нечто от магнетических или электрических сил, и сами, подобно магниту, производим отталкивающее или притягательное воздействие...» Кстати, в жизни случаются не только редкие болезни. Видишь?

Он указал вперед, на рябь Эресунна.

– По курсу, чуть левее.

Торвен вначале не понял. Удивился, решил, что пора задуматься об очулярах. Серое и серое, рябь и...

...Зеленое!

Пролив, знакомый с детства. Две морских мили в ширину, если смотреть со стен Кронборга. Глубина на фарватере – двадцать пять футов. Вода – глянцевиная за кормой, по носу напоминает «гусиную кожу». Да, есть зеленое пятнышко... Пятно. Оно растет! Справа – второе, третье!..

«Травяные лужайки» в кружевной белой кайме.

– Привидений не существует, Торвен. Зато существует физика. И гидравлика. Проклятье! Пойду, доложу капитану.

Зануда остался один – в компании с Дамой Логикой и маленькими зелененькими пятнышками. Привидений – нет. Водяных чертей? – никак нет, и баста. Иначе самое время на них грешить. Засели на дне пролива, хвостами воду пенят. Отсюда и зелень, и кружева.

Если же чертей оставить в покое, на дне останутся физика с гидравликой. Течение Эресунна встретило преграду? Приливную волну?

Он вздохнул, возвращаясь мыслями в прошлое.

Давным-давно, когда все еще жили-были, малыш Торбен с родителями гостил на Лофотенских островах – у дальних родичей матушки. Отчего бы не съездить? Индюшка – не птица, Норвегия – не заграница. До войны, разорвавшей страну на части, оставалась куча времени.

Густой запах рыбы. Смешные домики Свольвера. Обветренные лица. Не слишком понятная норвежская речь:

– Ближе не подходи, детка То-о-орбен! Иначе со скалы нувер... навернешься, так. Смотри, смотри, в вашей лу-у-уже такого не увидишь. Смотри-и-и!

Малыш смотрел. Дивился. Вест-фьорд, узкий рубеж между островами с потешными именами – Фере и Москенесе. За фьордом – скалистая гряда. Если в чайку превратиться, глянуть сверху – вроде как воронка. И зеленые пятнышки в белой кайме. Откуда? Минуту назад их не было, он точно помнит.

Да они растут, растут! И как быстро!..

– Это наш Мальстрем, детка То-о-орбен. Сейчас прилив, он просыпается...

– Мальстрем? Не может быть!

Дама Логика согласилась. Эресунн – не Вест-фьорд. Там – природный уникум, сильное течение встречает могучую приливную волну. Море вскипает зеленью проплешин, собирает их в одну кучу, превращая в воронку-великаншу – гладкие стены ада, обрамленные пеной.

Горе несчастным, кто задержался в пути!

Палуба вздрогнула. Ударил столб белого пара. Нос пироскафа задрался – казалось, «Анхольт» решил прыгнуть. Обошлось – нос с шумом обрушился в бурлящую воду, яростно перемалываемую колесами.

Самый полный!

– Надеюсь, успеем!

Эрстед не подошел – подбежал, схватился здоровой рукой за стальную стойку. Качнуло. Он сцепил зубы, удерживаясь; тихо выругался.

– Сзади еще парочка. Растут! А мы – как раз посередке. Обложили, мерзавцы. Идем прямо: повезет – проскочим.

Зануда молчал. Растут, не поспоришь! Пока еще не воронки – вмятины в серой ряби. И пены прибавилось, как на Лофотенах. Странное дело – он успокоился. Волноваться незачем. Из Мальстрема не спастись. Ни ему, с ногой, перебитой шведскими пулями, ни здоровякам из экипажа.

«Вы что, бессмертие купили, юнкер Торвен? Штыки примкнуть! В атаку!»

– Обложили, полковник? Филон – штукарь, но не бог Нептун. Думаешь, он и ветер подгадал, чтобы твой шарльер к Ратуше доставить?

– Может быть...

Эрстед выждал спокойный миг, когда палубу не слишком трясло, и перебрался ближе к борту. Мужчины стояли плечом к плечу – как раньше, перед пушками Карла Юхана, маршала Бернадотта.

– Бритва Оккама, дружище. Война, ветер, водоворот. И мой отставной учитель Филон, который не зря тратил эти годы. Он, как и я, очень увлечен... экзотикой. Результат налицо. Иначе нам придется выдумывать тысячу случайностей и миллион совпадений. Логика нам этого не простит!

Зануду разбили наголову. Изменить Даме Логике? Спорить с циркульником Оккамом?! – лучше сразу утопиться! Практика – главный критерий истины. Вот и она, Фрекен Практика!

Зелень исчезла, сменившись тусклым отблеском свинца. Водовороты увеличивались в размерах, вгрызались в водную толщу, жадно всасывая в себя все, до чего удавалось дотянуться. Далекий, плохо различимый шум сменился ревом – и свистом. Шутник-невидимка

поймал ветер и усадил в «беличье колесо». Облака спустились ниже, затяжелели, налились чернотой. Справа, у шведского берега, испуганной чайкой мелькнул парус.

Рыбацкая шхуна шла на вечерний лов.

Не повезло соседям!

– Нептун-Филон вызывает Мальстрем? Абсурд! Но примем в качестве гипотезы. Признаться, крайне спорной гипотезы...

– ...зато спасительной.

Торвен с удивлением покосился на командира.

– Мысль, конечно, безумная, – Эрстед улыбался. – Но представь на минутку... Филон решил поймать нас в проливе. Капкан! Водовороты – по носу, водовороты – за кормой. Оверкиль – и крышка! Для этого нужно представлять заранее скорость объекта. Нашу скорость! Из чего он исходил, а?

Зануда моргнул, сочувствуя шведам-рыбакам.

– Из средней скорости обычного парусника. Ветер – норд, не разгонишься.

– Помнишь, я говорил тебе...

Бравый «Анхольт» дерзко ударил в небо дымом – густым, тяжелым. Гребные колеса мчались, будто дети – наперегонки. Острый нос рассекал воду. XIX век, наглец-нувориш, явившийся без спросу в компанию древних, родовитых вельмож, вызывал на бой старину Нептуна.

Когда маркиз д'Аббан сконструировал первое судно с паровым двигателем, император Наполеон жестоко насмеялся над изобретателем. «Я его и знать не хочу! – расхохотался Наполеон. – У этой коптильной бочки нет будущего!» Сейчас император, окажись он на борту «Анхольта», взял бы поносные слова обратно.

– ...датские пироскафы – самые пироскафные в мире!

Неслышно подошла Пин-эр, запахнула халат, встала за спиной Эрстеда. Тот кивнул в сторону каюты, где остался Волмонтович. Девушка молча пожала плечами. Слов не требовалось. Да никто бы их и не услышал. Свист и рев катились над замершим в ужасе Эресунном.

Еще миг – и Нептун встанет из пучин, рявкнет басом: «Ужо я вас!» – карая тех, кто посмел бросить вызов повелителю морей.

Пироскаф шел курсом на Мальстрем.

Сцена четвертая Эльсинор

1

Громоотвод Бенджамена Франклина притягивает молнии, ибо таково его свойство. С этим не поспоришь. Да и как? Слова – сотрясение воздуха, а когда из вполне реальной тучи грянет конкретный разряд...

Андерс Сандэ Эрстед притягивал неприятности. Это тоже было совершенно очевидно и очень ощутимо. Скромный Торбен Йене Торвен, и в мыслях не пытаясь равняться с командиром, обладал сходным качеством. Но свои беды Зануда расхлебывал, как правило, лично. Неприятности же Эрстеда-младшего отличались таким масштабом и степенью привлекательности, что ими занимались все подряд – начиная от Эрстеда-старшего и заканчивая королем Фредериком.

С Его Величества все и началось. После окончания несчастливой войны Андерс Эрстед, молодой и успешный юрист, герой сражений и орденов кавалер, был назначен в Королевский Совет. Не дав себе труда осмотреться, новый советник потребовал ни мало ни много – ввести в патриархальном отечестве конституцию.

Заранее разработанный проект лег на стол в высочайшем кабинете.

О дальнейшем говорят разное. Сцену разрубания стола монаршей шпагой можно смело отнести к легендам. Но отчаянные крики венценосца слышал весь Амалиенбург. Что именно кричал король, предпочитают не уточнять.

Не при дамах...

Через три дня *бывший* советник покинул Данию. Вот тут-то и начались проблемы для окружающих. Андерс оставил в родном Копенгагене не только короля, бледного от гнева, но и собственную юридическую контору. Губить успешное дело? – жалко. С другой стороны, как выжить без создателя и руководителя, чье имя у датчан на слуху?

Выход предложил Зануда. Съездил в Гольштейн, нашел толкового и абсолютно нищего юриста. Вскоре контора «Эрстед и фон Эрстет» возобновила работу. Отсутствие хозяина не афишировалось, клиенты же быстро привыкли к новому «Эрстеду». Для зарубежных контрагентов вообще ничего не изменилось:

«Андерс Эрстед защитит ваши интересы в Королевстве Датском!»

Король, и тот оценил идею – привлек юристов конторы для переговоров о чрезвычайном займе у Ротшильдов. После их успешного окончания фон Эрстет получил орден, а контора – право именоваться: «Юристы Его Величества». Сам Эрстед-младший находился в ту пору где-то в Латинской Америке и награжден не был, но ни капельки не расстроился.

К своему крайнему изумлению, Зануда оказался в списке удостоенных. От ордена отказываться не стал, но никогда не носил, даже по торжественным дням. Историю с «Эрстедом и фон Эрстетом» он вспоминал часто, с удовольствием, как пример успешного решения проблемы. Чистая работа, даже пистолет не пришлось доставать.

С иными неприятностями Андерса Эрстеда дело обстояло много хуже.

Мокрая плеть ветра хлестнула по лицу.

– Rassa do!

Пироскаф резал носом пену, похожую на снежный буран. Корабль дергало, бросало из стороны в сторону. Но храбрец-«Анхольт» не сдавался. Вперед, вперед, вперед! Зануда трижды успел пожалеть о язвительных словах в адрес героического пироскафа. Труба – не кра-

савцы-паруса, только в нашей передрыге парус годится в лучшем случае на саван. Шведы-рыбаки, кажется, в этом уже убедились.

Requiem in расет, ¹¹ соседи!

Он оторвал взгляд от кипящего ада. Полковник был, как всегда в «пиковой» ситуации – Андерсом-тараном, Андерсом Вали-Напролом. Юрист исчез, проснулся вояка, затосковавший от безделья. Скулы – утесами, взгляд – пулей навывлет.

«Что-то скучно стало, юнкер!»

Китайка...

Женский пол служил для Торвена неразрешимой загадкой. Порой он впадал в ересь Аристотеля Стагирита, считавшего, что мужчины и женщины – разные биологические виды, живущие в симбиозе. С мужчиной ясно: руки, ноги – и душа от Создателя. В женщине присутствовало еще *нечто*, причем вряд ли от Бога. С фрекен Пин-эр гере Торвен не рискнул бы гулять по бульвару – даже днем, даже с пистолетом в кармане.

На миг примерещилось: оскаленная пасть, клыки в клочьях пены, но не белой, а желтой, песьи глаза, красные от бешенства, черное небо, язык с капельками слюны. Святой Кнуд и Святая Агнесса! – как говорит Его Величество...

Пироскаф тряхнуло.

Колеса зависли в воздухе, дрогнула труба. Пальцы Андерса выпустили поручень. Китайка успела – обхватила за плечи, не дала упасть. Торвен перевел дух, мысленно извинившись перед Пин-эр.

Негоже воспитанному современному человеку грезить пустой чертовщиной. Девушка как девушка – симпатичная, на вид здоровая, даже очень. Молчунья? – значит, скромница. Для мужа – лучше не придумать. А что Хансом Христианом в стену запустила, так поэт сам виноват. Деликатнее надо с иностранками.

Ach, du lieber Andersen,
Andersen, Andersen...

Соленая вода угодила в рот.

Закашлявшись, Торвен с трудом сглотнул – и вдруг понял, чего ему не хватало в последние годы. Перчику, острого перчику, юнкер! Если сейчас палуба уйдет из-под ног, он пожалеет разве что о так и не состоявшейся беседе со знакомцем-офицером. Слышишь, литография? Пенсия очень помогла бы длинноносику-поэту. Дело не в деньгах – друзья бы скинулись, изыскали средства. Звание *королевского пенсионера* само по себе – клад. Одно дело – «какой-то поэт», бродяга в дырявых штанах.

Совсем иное – пиит Его Величества...

Вода брызнула в глаза. Он зажмурился, перетерпел соль. Ерунда! Вода – не пламя, не Огонь по фамилии Гамбьер. «My baby! My sweet baby...» Тьфу ты, вспомнилось! Едкая дрянь – соль пролива Эресунн!

– Как самочувствие, юнкер?

Торвен настолько удивился, что открыл глаза. Слышит! Он слышит! «Юнкер»? – выходит, дела неплохи, начальство изволит шутить. Свист никуда не делся, и рев остался. Но... Вода! Привычная серая рябь. Родная ты моя!..

– Прорвались! – для тупиц пояснил Эрстед-младший. – Кто-то промахнулся. То ли Нептун, то ли Филон. А может, сразу оба.

Все еще не веря, Зануда обернулся, увидел дымящую трубу. Начал смещаться вправо, стараясь не отпустить мокрые поручни. Предательница-нога мешала, цеплялась за доски

¹¹ Покойтесь с миром! (лат.)

палубы. Кто-то подхватил его под локоть, придержал. Мелькнула и пропала мысль об одноруким полковнике...

Пин-эр, смеясь, помогла ему уцепиться за стойку у борта.

– Спасибо, фрекен!

– Десять тысяч дьяволов!

Естественно, дьяволов помянула не Пин-эр, церемонная дочь Востока. У них в Пекине свои дьяволы – китайские, заковыристые, не похожие на датских скромняг. Любимое ругательство короля изрыгнул Эрстед. Брань пришлась к месту; нет! – она, пожалуй, была даже слабовата. Помянутая десяти тысячная шайка-лейка при всей ее зловредности едва ли сподобилась бы провернуть столь грандиозный трюк. Берем пролив, помещаем в цилиндр фокусника, взмахиваем кружевным платочком – эйн-цвей-дрей!..

...Пролит исчез.

За кормой кипел пенный вал. В седой бороде, как рот бесноватого, разинутый в припадке, клочкотала воронка. Гладкие, словно отшлифованные стены уходили в бездну моря. Глубина на фарватере – двадцать пять футов? Врут картографы! Отверзлось каменистое дно – ниже реального, так ниже, что дух захватывало. Скользкие уступы. Слиплись комья водорослей. Хлопает жабрами дура-селедка.

Дышит вонью бурый ил.

В центре, в глубине жадной глотки – гнилой остов старца-корабля. Летучий Голландец, забредя на север, не нашел покоя даже в холодных глубинах Эресунна. Скалятся черепа матросов, костяк-рулевой стоит у штурвала, держа курс прямо в пекло. На мостике – капитан-безголовый; морской волк изъеден рыбами...

Зануда изловчился, провел ладонью по слезящимся глазам. Соль! Соль – и глупый избыток фантазии. Увиденное – невероятно, невозможно. Всепожирающий, мокрый, слюнявый зев; холодная могила, готовая принять очередную жертву.

Романтика, чтоб ее!

– Восславим датские пироскафы! – крикнул он как можно беззаботнее. – Полковник! Что там придумал Николя Карно?

«Анхольт» снизил скорость. Качка уменьшилась.

– Да славятся пироскафы и Роберт Фултон, великий отец их! – Эрстед сумел перебраться поближе. – Вовеки веков, амен! Представь, Торвен, движитель будущего. Который способен не колеса вращать, а нести нас на крыльях – над самой водой...

Пин-эр внезапно сделала странный жест. Эрстед кивнул в ответ; морщась, развернул ладонь загипсованной руки. Сильные пальцы китайки коснулись загрубелой кожи, нарисовав иероглиф. Еще, еще, еще...

– Знаешь, юнкер... э-э... Короче, это она о тебе, – полковник кашлянул не без смущения. – «Хромой бумажный червь – железный червь». В целом, можешь считать комплиментом.

Ответ застрял у Зануды в горле. Он хотел поблагодарить девицу – хотя бы за остроумие, за полет воображения. Сам гере Торвен, при его скромности и самокритичности, до такого бы не додумался. Со стороны, впрочем, виднее. Тридцать семь лет, лысина, шлеп-нога...

– Проклятье!

Воронка с дикой скоростью зарастала, рубцевалась, как язва после лечения. Стали полными стены. Темное дно поднялось до обычного, давно промеренного уровня. Пены, напротив, прибавилось. Казалось, цирюльник Оккам отложил бритву и взял помазок, хорошенько намазав щеки клиенту. Рев и свист стихли, уступили место привычному шуму моря.

Еще чуть-чуть – и «зев» захлопнется, сгинет без следа...

– Волна! Эй, на мостике!..

В брюхо тучам, обжигая, ударил пар. «Анхольт», умница, все понял. Пироскаф был молод, но учен – истинный сын Века Науки. Ходить по морю без знания гидравлики – нонсенс.

А что бывает при быстром перемещении больших масс воды – это известно распоследнему баркасу.

Гудок.

Новый столб пара.

Палуба дрогнула. Колеса с удвоенной силой врезались в воду...

...Воронка сомкнулась.

Соль под веками растворилась без остатка. Зануда онемел – горло перехватило стальным обручем гаротты. Сомкнувшись, воды вспучились, поднялись болотно-зеленым горбом, замерли на миг. Упали; рухнули, взбесились...

«Святой Кнуд и Святая Агнесса! Святой Кнуд...»

Волна!

Матовый обруч, выточенный из млечного опала, проступил из-под беспокойной зелени. Вырос, теряя цвет, зато набирая объем. Без лишнего шума, без надежды на пощаду – превратился в девятый вал, вскипел косматым гребешком. Покатил... понесся... рванул вдогон...

«Анхольт» молотил по воде колесами. Дым из черной трубы рвался к небу. Палуба дрожала, как в пляске святого Витта. Нос пироскафа резал послушную воду. Ветер свистел в ушах.

Вал настигал добычу.

– Не успеем, – констатировал Зануда, обретя дар речи.

И прикусил язык. Приговор не обязательно произносить вслух. Да и куда нам, горемычным, успевать? К берегу? колесами по траве? К Северному полюсу, за льдами спрятаться? Карно, Карно, где же твои крылья?

– Зато наберем скорость, – невозмутимо прозвучало от борта. – Физика, дружище. Если скорости сравняются или будут близки – сила удара уменьшится...

Закончить урок Эрстеду не дали. Китайка хлопнула его по плечу, указала на трап, ведущий в трюм. Намек поняли оба – как и то, что Хромому Червя не успеть.

– Остаемся, – бросил Однорукий Полковник. – Жаль, веревки нет!

Вал приблизился, встал стеной. Цвет молодой листвы – у подножья. Жабья шкура – у бородавчатой вершины. В узкую полоску свернулось небо. Влажная гора накатывалась, тянулась к пироскафу.

Веревка? трюм?! Если эта махина ударит...

– Цепляемся!

Руки переплелись с поручнями. Фрекен Пин-эр обхватила Эрстеда за шею – захочешь, не оторвешь; сжала железными пальцами локоть Зануды. Пусть черти сплетничают в аду! На краю гибели – не до приличий. Кто удержит слабых мужчин, кто спасет от водяных драконов, если не девица-тихоня, белая цапля Поднебесной?

– Юнкер Тор-р-рвен! Гляди веселей! Песню-ю-ю!..

Бросай жену и ремесло,
Целуй крестильный крест,
И под ружье, как под седло,
Вставай-ка, Йоханнес!

Будь жеребцом, не будь ослом,
Скачи путем кривым —
Хорош на голове шелом,
Да нету головы!
О-хэй-и-йодле-йодле-хэй!
Да нету головы!

Стена закрыла горизонт. Горло заполнила вязкая мокрота. Утихла дрожь палубы. Кажется, пироскаф собирается с силами, желая достойно встретить удар судьбы. Замерли клочья дыма над трубой. Бог Нептун расправил плечи, взмахнул трезубцем.

Смирись, человек! Прими то, чему не в силах противиться. Ибо ты – тлен, прах, мокрая щепка в Мальстреме...

Смирись!

За Фридриха, за Карла ли
Мы цедим кровь и пот?
Пьют за победу короли —
Солдат за милку пьет!
О-хэй-и-йодле-йодле-хэй!
Солдат за милку пьет!

Легкий толчок – словно ветер поцеловал в корму.

Тишина. Чш-ш...

Стена исчезла, открывая мир. Мир был внизу – берега Эресунна, серое море, далекие паруса на горизонте. Зато небо стало вровень, обложило тучами, подоткнуло по краям, как добрая мамаша – одеяло на спящем ребенке. Влезь на мачту, приятель – хватай Его за бороду...

Вал нес пироскаф на кипящем заливке.

Оседлали!

– Вот я о чем думаю, друзья, – предложил тему для разговора Андерс Эрстед. – Движение на волне имеет большие перспективы. Разумеется, при наличии подходящего источника энергии. Высокая скорость позволяет разогнаться как следует – и запустить летательный аппарат тяжелее воздуха. Такой, знаете, с крыльями...

2

Замок именовался Кроген, сиречь Крюк.

Название в самый раз – Крюк, каменный четырехугольник на зеленом берегу Эресунна, должен был своими пушками цеплять наглецов, не желающих платить пошлину его величеству королю Датскому. Времена стояли давние, патриархальные, и замок был прост, как королевский указ. Снаружи – стены в три роста. Внутри – двор, окруженный галереей. Башня-донжон, не слишком высокая. Чего еще надо?

Пропуска нету? Гони монету!

За простоту и поплавились. Шведские корабельные коронады разнесли крепость в щебень. Высадившись, пехота позаботилась об остальном. Был Крюк – нет Крюка. Урок пошел на пользу. Новую крепость – Новый Крюк – строили уже основательнее, с умом. И место выбрали удачно, так что шведам в следующий раз не обломилось.

Пришлось платить.

Шли годы, шумела вода в Эресунне. Новый Крюк стал Кронборгом, замком Короны. Старый – живописными развалинами на берегу. В каждую войну вражеский флот не без удовольствия угощал руины очередной порцией ядер. Не по злобе – ради хорошего настроения. Один из датских владык такого глумления не выдержал и повелел крепость отстроить. А поскольку на дворе царил Век Просвещения, план составили по заветам великого Вобана, французского инженерного гения.

Трепещи, надменный швед!

С трепетанием, как на грех, не вышло. Король сложил голову на охоте, преемник же обнаружил в казне дыру размером с Северное море. От всех потуг осталось лишь основание

круглой башни – за руинами старой крепости. Камни зарастали травой, из расщелин тянулись к небу молодые деревца...

Веку-наследнику – Веку Романтизма – пейзаж наверняка пришелся бы по душе. Трепетные поэты бродили бы среди руин, проникались духом рыцарства, вдохновенно бормотали лирические строки... Так тому и случиться, если бы во время одной из прогулок на развалины не наткнулись Эрстед-старший и гере Зануда.

Академик указал тростью на ближайший камень:

– Чем не замок Принца Датского?

– Для англичан сойдет, – согласился Торвен. – А вот башня... Подвалы, говорят, сохранились.

И они зашагали к башне.

Так восстал Эльсинор.

Угрюмые валуны у края воды. Яркая полоска травы. Массивные стены с прыщами-башенками по углам. Желтая черепица, узорный переплет окон. Ворота, обитые темным клепаным железом, заперты, приоткрыта лишь тесная калитка.

Пристань уцелела – волна прошла стороной. Всему же, что в море, досталось по полному счету. В воде купались деревянные ошметки, мелькнул обломок мачты, бочка, днище перевернутой лодчонки...

К берегу подходили, считай, по инерции. Колеса еле двигались. Жалко дрожал воздух над трубой, с натугой ухал котел. Раненый «Анхольт» боролся до конца. Когда сходили с Волны, трянуло от всей Нептуновой души. Люди выдержали – захлебнулась машина. Но пироскаф еще сопел, пыхтел, упирался. Лопасты колес с натугой резали подлую рябь. Острый нос – ах, наш милый Андерсен!.. – упрямо смотрел в сторону берега.

Храбрец умирал, но не сдавался.

Пироскаф встречали. Замок блюл давний этикет. Машина умолкла. «Анхольт» без сил чиркнул боком по грубо сбитым доскам. Тяжко упал причальный канат.

– Смир-р-рно!

Сеньор-сержант Оге Ольсен браво подбросил алебарду к небу. Медная каска, красный мундир, синий кант. Почетный караул! – или, если угодно, без затей: карау-у-ул!..

– Гере кастелян! Осмелюсь доложить!

Багровый нос, седые усы.

– Во вверенном вам гарнизоне – полный порядок. Имело быть происшествие...

– Вольно, старина! Вижу.

Андерс Эрстед поднял руку к шляпе, надетой ради такого случая. С Оге Ольсеном, ночным сторожем Королевского музея, спорить не имело смысла. Случись светопреставление, начнись Армагеддон, прими Дания конституцию – все равно возьмет из экспозиции алебарду, побежит рапортовать.

Неисправим!

Второй караульный остался на посту – Ольгер, принц Датский, дальний родич Аме-лету-Гамлету. Статую установили год назад, аккуратно перед воротами. Хмур был Ольгер – и усат, под стать соратнику. Мрамор-меч, мрамор-шлем. Днем еще ничего.

Ночью же лучше не разглядывать.

– ...В виде превеликого буйства стихий...

Старика встретили в дешевой пивнушке Хельсингера, где он кружку за кружкой просаживал скудную пенсию. Не пьянел, однако после пятой кружки начинал строить посетителей в три шеренги. После седьмой – запевал государственный гимн. Братья Эрстеды угостили ветерана, выслушали жалобы на то, что «без войны – не житье!», и решили, что лучшего сторожа для Эльсинора не найти.

Отставник не подвел. Порядок на «вверенной территории» царил идеальный. Крысы – и те ходили строем. Эрстед-младший был окрещен «кастеляном», алебарда раз за разом снималась с витрины ради очередного рапорта. Когда начальство отсутствовало, старик тоже не бездельничал – маршировал по двору. Ать-два, горе не беда, брали мы фортеции, брали города!

Первые же посетители замка, восставшего из тлена, прониклись – и распустили слух по всей Европе. Старый вояка принимал щедрые чаевые и крутил седой ус. Но добродушие Ольсена имело границы. Незванные ночные гости, решив поближе познакомиться с местным антиквариатом, угодили в плен и познакомились с плетью-шестихвосткой – из зала «Ужасы инквизиции».

Воры покаяться. Славы прибавилось.

– Помянутое буйство имело произвести изрядное следствие...

Остановить старину Ольсена не мог даже Мальстрем.

– ...в наличии мертвяки-потопельники. Три единицы. Складированы...

Торвен вздрогнул. Еще немного, и о них тоже бы рапорт отдали. Повезло! Те, кому повезло меньше, лежали неподалеку, укрытые рваным парусом. Шведы-рыбаки? свои? – не разобрать.

Нептун не ушел без добычи.

– Гере Эрстед!

От калитки уже бежали – пироскаф заметили с Башни.

– Гере Эрстед! Гере Торвен! Слава богу! С вами все в порядке?

– В порядке, – усталый Андерс с трудом разлепил губы. – В каюте – больной. Его надо срочно в лабораторию. Носилки есть?

Парни-лаборанты с растерянностью переглянулись.

– Носилки? Откуда?

– На пики уложим, – рассудил сторож. – И знамя постелем. Это во втором зале, вверх по лестнице...

– Если можно, найдите какую-нибудь палку, – попросил Зануда. – Моя трость...

Старина Ольсен хмыкнул в усы и вручил «гере лейтенанту» алебарду. От сердца, можно сказать, оторвал. Брата-ветерана он уважал. Почувствовав себя во всеоружии, Торвен поплелся обратно на борт «Анхольта». Прежде всего пожать руку капитану. Затем пройти по следам предательницы-трости.

А вдруг?

Пропажа нашлась – лежала возле борта, зацепившись рукоятью за стойку. Капитан оказался под стать пироскафу – от благодарности отмахнулся, после чего не без удовольствия вспомнил настоящий Мальстрем. Он тоже гостил на Лофотенах. Торвен решил было поделиться собственными впечатлениями – и не успел. Слова застряли в горле.

На палубу вынесли Волмонтовича.

Восковой лоб, белые пальцы поверх одеяла. Твердые недвижные веки. Одетый, как всегда, в черное, князь походил на дохлую ворону. Или на Гамлета, сразу после реплики: «Дальнейшее – молчанье...» Рядом с импровизированными носилками шла фрекен Пин-эр. Желтое, словно навеки освещенное газом парижских фонарей, лицо нахмурено, губы плотно сжаты.

Зануда переглянулся с капитаном. Оба вздохнули.

– Да не ногами же вперед! – отчаянно завопил с пристани Эрстед. – На берег, живо! И в лабораторию. Шевелитесь!..

Торвен не слишком жаловал князя. Уж больно странен был Волмонтович. Но это не повод лишать человека врачебной помощи. Лабораторию он помнил – в глубине Башни. Змея-коридор, двери – направо, двери – налево; как войдешь – белый электрический огонь.

Прозекторская...

Пусть Гамлета к помосту отнесут,
Как воина, четыре капитана.
Будь он в живых, он стал бы королем
Заслуженно. Переносите тело
С военной музыкой, по всем статьям
Церемоньяла...

Проводив глазами носилки, он сошел по трапу. Успели. Не потопли. Даже трость вернулась. Удачный денек? Бывали, конечно, и получше...

– А не подскажете ли, сэр... Не здесь ли следует искать Эльсинор, замок его высочества Гамлета?

– Уже нашли, – откликнулся Зануда.

Обернулся.

Эт-то еще откуда?

Волчий оскал, острые акульки клыки. Неопрятная кофта до колен, мятый цилиндр, трехдневная щетина на подбородке. Под мышкой – зонтик, купленный в лавке старьевщика.

– Благодарю, сэр! Д-дверь, как интересно! Неужели и впрямь Эльсинор? Goddamit! Расскажу приятелям – не поверят!..

...и пистолет под кофтой.

Сразу не заметишь. Но гере Торвен был Великим Занудой, а посему человеком внимательным. Удивило не оружие: мало ли кто нынче вооружен? Пистолет – дуэльный, для боевого слишком велик. Английский «Ментон»? Французский «Гастинн-Ренетт»?

Посетитель, ухмыляясь, кинул внимательный взгляд на пироскаф. Смерил расстояние до замковых ворот, прищурился...

– Сударь! – грозно рявкнул Оле Ольсен, тоже оценив странность происходящего. – Имею вам доложить, что Королевский музей начнет работать с июля...

– Вы слишком добры, сэр! – радостно прокаркал гость, отступая на шаг. – С июля, сэр! Полная ясность, провалиться мне на месте!

Он резво попятился, выдергивая из-под мышки зонтик. Раскрыл, выставил перед собой, словно щит. Крутанул пару раз – у зрителей зарябило в глазах, голова пошла кругом... И провалился на месте. Зонтик остался, упав на землю рукояткой вверх. Точь-в-точь гриб-поганка, сбитый палкой лесника...

Креститься Торвен не стал. Заброда, вне сомнений, просто скользнул за ближайший валун. Во всяком случае, такое объяснение прошептала на ухо Мадам Логика.

– Штукари они, эти англичанцы! – сплюнув, заметил сторож. – Все не по-людски, не по-божецки. Как он нашего Амелета обозвал, а? Г-г... Гам-лет! Убил бы...

На зонтик бравый сеньор-сержант не обратил внимания.

Что с «англичанцев» возьмешь?

3

Ковыляя к калитке в Башню, Торвен от души досадовал на загадочного визитера. Задержал, подлец! Князя успели унести – не догнать, с больной-то ногой! Как теперь увидишь «лечение электричеством по методу доктора Эрстеда»?

Ему повезло. Эрстед обнаружился во дворе – отдавал распоряжения лаборанту. Стоя спиной к Торвену, парень в ответ кивал так энергично, что копна его соломенных волос напоминала стог, в котором любятся поселяне.

Рядом ждала китаянка. Узкие глаза девушки превратились во внимательные щелочки. Складывалось впечатление, что фрекен Пин-эр видит даже то, что происходит у нее за спиной.

– Действуй!

Хлопнув лаборанта по плечу, Эрстед зашагал прочь.

– Полковник!

– Прости, дружище, – он обернулся на ходу. – Я очень тороплюсь. Князь плох, его контур разомкнут. Жизненный флюид вытекает из тела. А та дрянь, что образуется взамен... Лучше не будем об этом. Надеюсь, замыкание контура и повторная ре-витализация спасут Волмонтовича. Но ждать нельзя, уж извини.

– Я не в обиде. Попробую угнаться за тобой.

Торвен был наслышан о первом «воскрешении» Казимира Волмонтовича. Тогда, если верить гере академику, Эрстед-младший буквально поднял князя из гроба «сеансом электро-биологии». Заноса данные в архив, Зануда выяснил, что данных до обидного мало. Чем болел Волмонтович? Применялось ли что-то, кроме электричества?

Какова была сила разряда?

Оба героя – и Андерс, и князь – отмалчивались. Сомневались в воспроизводимости эффекта? Смушались? Желали удостовериться, что триумф – не счастливая случайность? В любом случае Торвен был твердо намерен присутствовать при втором сеансе.

Жизнь князя висела на волоске. Не смея никого задерживать, он хромал следом, умоляя трость не артачиться. Китайка хотела предложить «червя» помощь, но наткнулась на взгляд упряма – и лишь пожала плечами.

Каменные ступени лестницы.

Перила.

Здесь, благодаря двойной опоре, удалось немного разгрузить искаленную ногу. Вот и галерея. Гулкий настил прогибался, вибрировал под весом трех человек. В случае штурма обрушить галерею можно в один момент – об этом позаботились заранее.

Еще бы успеть зарядить Банку!

Их ждали. Дверь распахнул рыжий парень в синем, местами прожженном халате – один из тех, кто унес вперед носилки с князем.

– Пациент доставлен! – отрапортовал он.

Чувствовалась школа сеньор-сержанта.

– Перенесите его вниз. В комнату рядом с бассейном.

– В «склеп»? – уточнил рыжий.

– Да, – недоволен, поморщился Эрстед. – Уложите на деревянный стол и разденьте. Подготовьте ванну. И пустите в бассейн веселящий газ! – чтобы наши «батареи» не разрядились раньше срока. Я сейчас буду.

Винтовая лестница башни хорошо подходила для обороны. Но спуск по ней – мучение адово! Торвен не жаловался. Даже оступившись, он сдержал стон. Только подумал, что Волмонтовича наверняка внесли через подземный ход.

С чего это полковник вздумал тащиться галереей?

На третьей площадке, дав спутникам знак обождать, Эрстед нырнул в боковой проход. Послышался лязг отпираемого сейфа. Вскоре «гере кастелян» вернулся, пряча в карман сюртука браслет из алюминия. Этажом ниже он вновь отлучился – искал мотки провода.

Клеммы на концах проводов звякали при ходьбе, неприятно напоминая кандалы.

Наконец они добрались до подвалов, где располагались лаборатории. Торвен помнил это место. Режущий глаза свет, гудение и треск электрических дуг, острый запах озона смешан с гарью и сомнительными ароматами реактивов. Опутанные проводами вольтовые столбы – словно увитые лианами стволы деревьев в тропическом лесу. Ящики гальванических батарей, «лейденские банки», мощные магниты, вспышки искровых разрядов; «коронное» свечение на концах стержней, торчащих из адской установки...

По соседству, остроумно комментируя процесс, препарировали несчастных лягушек, мышей и птиц. Так что ассоциации с прозекторской возникли не зря.

На сей раз все оказалось иначе. Коридоры тонули в полумраке – честные подземелья древнего замка. На стенах тускло горели масляные светильники. Пламя колебалось, когда мимо проходили люди, и коридор наполнялся шевелением теней. В комнате, куда Торвен мельком заглянул, двое лаборантов при свечах составляли таблицы.

И это – цитадель датской науки?! Свечи и плошки?!

– Бережем энергию, – ответил Эрстед на невысказанный вопрос. – Когда начнется штурм, нам потребуется вся мощь Эльсинора. Осторожней, здесь ступеньки.

Если бы не слова полковника, Торвен загремел бы вниз по лестнице. Втайне он позавидовал фрекен Фурии – девица словно плыла над полом, не касаясь его. В сочетании с бликами и тенями это производило неизгладимое впечатление.

«Привидений не существует! – строго напомнил себе Зануда. – Спроси у милого Андерсена, он подтвердит. Мало ли кто как ходит? В Китае, наверное, так принято. С детства учат...»

Торбен Йене Торвен даже не представлял, насколько он прав. Вэй Пин-эр, дочь наставника императорских телохранителей, действительно учили с пеленок – верно ходить, верно дышать, верно обращаться с поэтами, в конце концов. За всю свою не слишком долгую жизнь девушка сделала один-единственный неверный поступок. И была обречена расплачиваться за него до конца дней.

Сцена пятая

Быть иль не быть

1

– Газ в бассейн пустили?

– Все, как вы велели. *Они* уже сонные.

– Поймайте жирного электрофора и перенесите в ванну. Только аккуратно! Мне нужен полный разряд.

– Обижаете, гере Эрстед! – в соседней комнате раздался плеск воды. – Мы в курсе...

Грубая кладка стен. Ни облицовки, ни драпировок. Воображение рисовало дыбу, узника, подвешенного на ней; палач деловито перебирает инструменты, на жаровне калятся жуткие клещи...

Вместо дыбы имелся стол. На нем поместился бы слон. Но слона не нашлось, и лаборанты решили обойтись скромным Волмонтовичем. Они как раз заканчивали раздевать князя, не подававшего признаков жизни. Это правильно: человека надо пытать голым.

Зануда ощутил себя буридановым ослом. Что скрывается в таинственном бассейне? Зачем нужен веселящий газ? Кто – сонный? Мечтая разорваться на сотню любопытных Занудиков, он не рисковал оставить «пыточную», боясь пропустить важное.

Колено разболелось не на шутку. Доковыляв до табурета, Торвен сел. Китайка осталась стоять. Отставной лейтенант ощутил неловкость, хотел подняться – и передумал.

Здоровье дороже.

– Полагаю, ты в недоумении, старина. Подземелья, свечи, нагая жертва на столе... Не хватает только призрака: «Отмсти за подлое мое убийство!..» – да еще котла с ведьмовским зельем. Впрочем, котел – это, кажется, из другой пьесы...

Эрстед ловко защелкнул браслет на правом запястье Волмонтовича. Проверил, надежно ли держится застежка. Остальные три браслета – на левом запястье и обеих щиколотках князя – были на месте. Закатав рукава рубашки, полковник окунул руки в лохань с водой, стоявшую рядом.

И начал брызгать на князя.

Зануда представил: это он, голый, распростерт на столе, его кропят водичкой, хлопают влажными ладонями – аплодисменты, господа!.. Озноб метнулся вдоль хребта. Но князь остался неподвижен. Волмонтович лежал, холодный и безучастный ко всему. Сквозь пергамент кожи отчетливо проступали синие водоросли вен.

Восковая кукла, манекен, сбежавший из витрины, в который чернокнижник пытается вдохнуть жизнь.

– У Казимира – очень редкая болезнь. При ней магнетический флюид вытекает из тела, как пиво – из треснувшей бочки. Браслеты из алюминия блокируют процесс. Сейчас я снова замкнул контур. Но для восстановления жизненных функций нужен внешний импульс. Мощный заряд животного электричества снабдит тело энергией – и вновь заставит циркулировать флюид...

Излагая теорию, Эрстед вооружался для сугубой практики. Щелк-щелк! – громко сказали большие, зловещего вида ножницы. Чш-ш!.. – возразил, разматываясь, рулончик оловянной фольги. Вот, значит, и мы, пыточные инструменты. Попробуй только не оживи, пациент! Мы тебе мигом здесь отрежем, а там прикрутим – будешь, как новенький...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.